

Никита Сахно

ОХОТНИКИ
НА ГЕРОЕВ

18+

Никита Сахно
Охотники на героев
Серия «Откровения мрака»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69529039

*Охотники на героев:
ISBN 978-5-17-157015-6*

Аннотация

Рантар «Два Топора» – герой, которого все ненавидят. В этом мире, живущем по закону силы, «героями» называют безжалостных воинов, ведущих себя совсем не как пример для подражания.

Рантар прагматичен и любит держать все под контролем. Ему нет дела до благородства, он готов на любые жертвы, потому что главное для него – найти сына, которого обманом отняла у него жестокая королева Доротея. В пути ему повстречается лесной изгнанник Имва, мечтающий стать героем из сказки, и своевольная девушка Виктория, опасная не только для себя, но и для окружающих.

Со временем всем им придется понять – королевствам угрожает нечто опаснее безжалостной Доротеи...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	53
Глава 4	75
Глава 5	82
Глава 6	98
Глава 7	116
Глава 8	128
Глава 9	147
Глава 10	156
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Никита Сахно

Охотники на героев

© Никита Сахно, 2023

© Наталья Динер, иллюстрация на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*Посвящается королеве моего сердца – жене
Венере*

Глава 1

Белые лилии

Смерть всегда побеждает. От нее не спрятаться, не убежать, не договориться. Она берет, кого пожелает и когда пожелает.

Люди на стенах ходили, думали о завтрашнем дне, но были уже мертвы, хоть и не догадывались об этом.

От смерти не уйти. Он хорошо это знал, потому что и был смертью.

– Ты чего вылупился, Рантáр?

– А?

– Мы не на прогулке, дружбан. Чего уставился на эти валуны и не моргаешь? Скука!

Рантар огляделся, словно забыв, где находится. Знакомые стены из бурых валунов отвесно уходили ввысь на добрых три человеческих роста. Гостей тут не жаловали, наверное. Гости, кто это? Рантар посмотрел за спину, словно там ждал его ответ, но нашел только грязь, превратившуюся в жижу, липнущую к сапогам, которая громко чавкнула под ногами. А больше ничего и не было, кроме голых деревьев вдоль дороги да дымящих труб у домов внизу по склону, где была деревня. Такая же, как и сотни других.

– Рантар, ты меня вообще слушаешь? Ну, е-мое, что,

опять? Очередной приступ?

– Я в порядке, – он был вовсе не уверен в своем состоянии, но к чему говорить? Это ведь очередной дурацкий сон.

– Тебе подышать надо авось? Так дыши, хренов ты болван. Пора шевелиться, у меня ноги к земле примерзли. Стоим тут, как бараны, а могли бы уже кости разминать.

– Думаешь, сон может закончиться? Когда-нибудь.

– Не знаю, мне ничего не снится. Ну чего, начинаем уже? «Похожа ли смерть во сне на настоящую?» Один топор на его поясе покачнулся, словно подтверждая мысли. Второй молчал. «Да, в конце концов, смерть – это смерть».

– Звони.

Громадина показал желтые зубы и с яростью дернул за шнур колокола: тот, не ожидавший такого напора, загудел в пугающем протесте. Мир будто захотел расколоться пополам от этого звука, и долго еще в последовавшей за этим тишине звучали глухие удары, подхватываемые эхом. А следом колокол свалился в грязь.

Рантар с любопытством разглядывал своего компаньона У'сина – гора мускулов, каждая из которых кричала о своей силе, даже рост у него был куда больше его собственного. Сон становился все более странным. Зачем придумывать себе такого спутника? Впрочем, не важно. Рантар знал, что нужно сделать, чтобы все прекратилось.

Большие двери с треском распахнулись, и на пороге показалась пара перепуганных слуг. Страх читался за масками,

которые на них нацепили. Слуги замерли. Будь их воля, они бы остались где-то в глубине камней, что их окружали, – но долг есть долг.

– Именем королевы-матери Доротеи и по ее величайшему соизволению мы пришли к барону Стóркису.

Рантар с трудом заставил себя прочистить горло. Фраза всегда была одной и той же, менялись только имена.

Могли ли эти жалкие доходяги склониться в более низком поклоне? Должно быть, они разглядели всю грязь, что прилипла к его ботинкам.

Громада Усин не стал ждать, пока его пропустят, и пошел вперед, с легкостью закинув себе на плечо увесистый молот. Рантар пошел следом, не обращая внимания на слуг, победивших впереди.

Внутри оказалось интереснее, чем снаружи. Стены из коричневых камней были украшены гобеленами и цветами, а под потолком плясали свечи. Ничего примечательного, скоро от этого маленького замка в скале не останется и следа воспоминаний.

– Как думаешь, Рантар, найдется здесь достойный противник?

– Нет.

– Зараза! Мог бы хотя бы подыграть! Сам же вижу, та еще дыра. Еще и цветы эти, фу!

Рантар скользил взглядом по лестницам и небольшим балконам, придерживая свои топоры. Все было не важно, в

голове было только одно – Доротея. Цветочное имя, с ароматом роз и ванили. Нежное и прекрасное, как летний вечер. Все, что он делал, надо было сделать ради нее. Только это имя имело значение, остальное меркло на ее фоне, как перед солнцем. Лишь где-то глубоко внутри него, в самом зловонном темном углу, что-то шевельнулось. Что-то пугающее, важное, но прежде чем он понял его природу, оно скрылось в глубине сознания, напоследок противно булькнув.

– Смотри-ка, а нас встречают, – физиономия у громилы уже была не такой кислой.

Рантар проследил за его взглядом и заметил, что там, где потолок уходил далеко вверх, у таких же больших дверей, как и у входа, стояло несколько человек. Два закованных в броню воина и еще один мужчина с вопрошающим взглядом. На его груди сверкнула брошь траурной розы.

Еще не дойдя до них, Рантар повторил фразу про королеву, чье имя вновь отозвалось мучительным уколом в его груди. Мужчина с брошью едва шелохнулся и склонил голову так, будто просто хотел на секунду взглянуть, что лежало перед ним на полу.

– Мы польщены присутствием столь высоких гостей, но сейчас барон Сторкис не готов принять вас. Дело в том, что он занят оч...

– Ты глухой или как? Мы здесь по приказу королевы-матери. Никакие другие дела не имеют значения! – Рантар хотел поскорее проснуться. Это должно было произойти ско-

ро, очень скоро.

– Я понимаю, но...

– Никаких «но»! – Молот Усина с гулом треснулся о плиты. – Не терплю скуки! Скажи, Рантар?

– Угу.

– Веди нас к этому баронишке, пока мы еще с тобой разговариваем, – сказал Усин.

Мужчина боялся. Они все боялись, и воины тоже. Их глазки нервно дрожали под забралами, а в воздухе густел страх.

– Хорошо, – брошь на груди мужчины слегка вздрогнула. – Но мне придется забрать ваше оружие и...

– Ты совсем тупой? Не понимаешь, кто перед тобой? Герои королевы-матери не слушаются никого. Это нас слушают. Ты блоха, а я сапог, все уяснил? – Усин кричал и уже шел вперед. – Эй, Сторкис, ты где, выходи! Сторкис!

– Умоляю, – выдохнул мужчина, вид у него был уже куда менее уверенный. – Мы вас пропустим, только не кричите! Я приношу свои извинения!

Он поспешил отойти с дороги, наваливаясь на высокую дверь. Та, нехотя поддаваясь, открыла вид на зал с таким же высоким потолком и отполированным коричневым камнем на полу. В его поверхность можно было смотреться, как в зеркало. Здоровяк не стал ждать: чуть не сбив с ног мужчину с брошью, он с легкостью отворил вторую створку и вошел в зал. Рантар медленно пошел за ним.

Гулкий голос здоровяка вернул его из раздумий:

– Ах, вот где ты, барон!

Широкий, как дверь, лорд еле успел встать с кресла возле камина. Рядом стояла высокая женщина, напоминавшая ветвь вишни, гибкая и крепкая. Они явно оба боялись, но женщина страха не показывала. Ее взгляд был изучающим и требовательным. Прямо как у королевы. По телу Рантара пробежала тяжелая дрожь.

– Чем могу служить?.. – Барон в растерянности смотрел то на них, то на своего человека с брошью.

– Герои королевы-матери.

– Ох, это большая честь для меня.

– Для нас обоих, – добавила женщина. – Как к вам обращаться?

– Я Усин Большой Молот, – здоровяк тыкнул себя в грудь. – А это – Рантар Два Топора.

– Мясники, – тихонько выдохнул кто-то сзади, похоже, один из воинов. Но все же недостаточно тихо. У барона и его жены посерели лица, видно, желая превратиться в камни, что их окружали.

– Герои, – важно поправил Усин, скосив взгляд на воина.

– Чем мы можем быть полезны королеве-матери и вам, уважаемые... герои? – Баронесса первая взяла себя в руки. Барон все никак не мог заставить свою нижнюю губу не трястись. Все люди похожи – стоило услышать имя Рантара, и они менялись в лице. Скулили, звали на помощь.

«А ведь у человека с брошью клинок под одеждой», –

лениво отметил Рантар, рассматривая присутствующих. Он также заметил еще две тени в коридоре, но не стал обращать на них никакого внимания, только легонько погладил острия топоров. Металл отозвался приятным холодом, а по рукам поползли мурашки.

– Мы здесь с величайшего соизволения королевы-матери, – начал Рантар. – Ей не терпится узнать, почему налоги за лето до сих пор не поступили. Также ей хотелось знать, почему вы, баронесса, не явились на бал по случаю Парада цветов?

– Но...но... – залепетал барон. – Ведь я писал королеве письма! Я все объяснил. У нас ведь неурожай, вот... вот и налогов нет. Я отправил пять писем.

– Бумага – это не золото, – покачал головой Усин. – Уже поздняя осень, а денег нет.

– Но ведь мы оправили часть еще в прошлом месяце, – вмешалась баронесса. Ее длинные волосы были заколоты белой лилией. Большая ошибка. Рантар успел заметить, что в зале лилии стояли почти в каждой вазе, а ведь они были под запретом. Очевидно, розы в коридоре – просто для того, чтобы пустить пыль в глаза. В груди Рантара начал жечь гнев, подогревая все тело. Кончики пальцев защипало.

– Да-да, отправляли! – поддакнул барон.

– Этого недостаточно.

– Но у нас больше нет. Поглядите по сторонам, уважаемые герои, нам пришлось продать множество утвари, чтобы

хоть как-то покрыть недостающую часть налогов. Крестьяне в деревнях по соседству голодают, мы и так забрали у них больше, чем должны были, а в...

– Это не важно, женщина, – прервал ее Усин, облокотившись на молот ростом со среднего человека. – Денег, что ждала королева, нет. И ты так и не ответила про бал.

Баронесса покраснела, бросив короткий взгляд на Рантара. Странно, со здоровяком ей было общаться не так страшно.

– Я помогала мужу собирать налоги. Если бы мы отправились на бал, то деньги не удалось бы собрать вовремя.

Внутри Рантара продолжал пылать огонь, а пальцы покалывало все сильнее. Ему было плевать на деньги, его волновало совсем иное.

– Как вы объясните это? – Палец Рантара устремился на вазу с белыми лилиями. Гнев начинал пожирать все тело, еще чуть-чуть – и Рантар готов был закричать.

– Это ведь просто цветы. Мои любимые... Что не так?

– Что не так? Что не так?! – руки Рантара начали подрагивать. Он подошел к большой вазе и опрокинул ее. Ваза разбилась, осколки вместе с цветами рассыпались по полу, и Рантар принялся нещадно топтать белые нежные лепестки, оставляя вокруг лишь грязные разводы. – Они запрещены! Запрещены!

С каждым ударом ногой ему становилось легче, пока он смотрел на то, как лилии превращаются в жалкое месиво.

– Простите! Я... я не хотела! Сейчас же уберу все эти цветы...

Рантар покачал головой, глядя на все вазы.

– Нет, вы сделали это нарочно.

– Случайность! – взвизгнул барон. – Чистая случайность!

Она с детства любит эти проклятые цветы, ничего не могу поделать! Я сожгу их! Сожгу! И передайте королеве-матери, что в следующем году мы все вернем сполна! Да, даю слово! В следующем году урожай будет лучше, и мы пришлем налогов больше, вдвое против обычного.

– Не пойдет, – вздохнул Усин.

– Но... но почему?

– Королева-мать уже приняла решение.

Прежде чем барон успел хоть что-то сказать, огромный молот обрушился на его голову, и та разлетелась на куски, как спелый фрукт. Воздух быстро наполнился какофонией звуков, но Рантар испытывал полное безразличие. Выхватив свои топоры, он подсек одного из воинов и обрушил на его голову сокрушающий удар. Потом метнул топор в мужчину с брошью, который пытался достать клинок. У остальных не было ни единого шанса против громады Усина. Даже те двое, что вылезли из прохода, никак не повлияли на расклад сил. Усин раскидал их взмахами своего молота, а одному просто свернул шею, как мелкой курице.

Баронесса попыталась выбежать из зала, но второй топор Рантара достал ее мгновенно. С глухим звуком она удари-

лась о стену, постепенно сползая вниз. Топор торчал из груди, а лицо глядело на Рантара с детской обидой. Через пару мгновений баронесса уже не дышала.

– Королева-мать не прощает, – проговорил он.

Это была чистая правда. Рантар еще раз повторил про себя знакомые слова, надеясь, что они, как заклинание, заставят его очнуться, но этого все не происходило. Тогда он принялся обходить зал и разбивать вазы с цветами, оставляя на полу после себя грязно-белый шлейф, как на зимней дороге.

Здоровяк шел среди тел, ломая им головы тяжелым молотом, будто просто разминал ягоды винограда.

– Эх! Здесь не было ни одного достойного противника! Даже близко. Ну хоть заткнул это глупое кудахтанье. Странно, и на что они всегда надеются?

– Люди глупы, – равнодушно пожал плечами Рантар, очищая свои топоры о платье баронессы. Происходящее напоминало другие сны, где он делал то же самое. Топоры надо было держать в чистоте. Он был обязан соблюдать это правило. Но в этом сне было что-то еще. Опять что-то шевельнулось в глубине Рантара, так и не всплыв наружу. Это начинало раздражать.

– Ума не приложу, почему мы должны этим заниматься? – рокотал Усин. – Ты слышал, что недавно случилось под Серебристыми ключами? Этот красавчик Валентин перебил целую армию мятежников, ты представляешь? Живым не ушел никто! Ни одна душа. Говорят, он лично отхватил го-

лову их полководцу Семёру. А потом он перешел реку и сжег деревни ко всем чертям! Вот бы туда, да?

– Ага.

– Рантар, ты опять не слушаешь! Эх, как мне обидно, что королева-мать не дает помериться силами своим чемпионам. С какой бы радостью я сошелся с тобой в поединке, Рантар! Ох, этот бой был бы легендарным! Может, попросить ее еще раз?

– Она откажет.

– А мы попросим ее вместе, а, Рантар? Тебя, авось, послушает. Только честно! Как думаешь, кто из нас победит?

– Думаю, я.

– Ха, хорош шутить! Ты ведь понимаешь – я не оставлю тебе шанса.

– Что-нибудь придумаю.

– Не пори чушь. Я убью тебя. Придется повозиться, конечно, но я тебя одолею. Во мне течет кровь великанов, а ты всего лишь человек! Пусть и проворный. Просил же говорить честно.

– Нам пора, – вздохнул Рантар. Дело сделано, пора уходить. Тяжелые шаги Усина загрохотали следом за ним.

Позади раздался звон, и Рантар мгновенно развернулся с зажатым наготове топором. У двери, в другом конце зала, стоял мальчишка, выпучив глаза на трупы и испачканный кровью пол. Усин не шелохнулся, но Рантар на всякий случай поднял топор в предусмотрительном жесте: нечего здо-

ровяку вмешиваться. Ребенок должен остаться целым.

Через секунду мальчишка с шумом убежал обратно.

– Пускай бежит, блоха. Детей убивать скучно. Кстати, ты помнишь, какой у нас счет?

– Что? – Рантар продолжал смотреть туда, где только что стоял мальчишка. Он что-то вспомнил. Но что? Сон вокруг загудел в предостережении, начав сопротивляться, как дикий зверь. Своими зубами он потащил его прочь, к входной двери замка. Рантар с удивлением, будто со стороны, наблюдал за тем, как двигается нога, а вторая хочет остаться на месте.

– Наш счет, Рантар. У меня почти три сотни. Плюс сегодня еще пять. Вместе это... это... м-м-м, уже больше трех сотен. А у тебя?

– Я перестал считать.

– Чего?! – Гул прокатился по всему залу. – Ты просто боишься проиграть! Так сразу и скажи! А еще говорил, что сможешь меня одолеть, тьфу!

– Мальчик, он... – Рантар все никак не мог понять, что он силится вспомнить. Это казалось очень важным. Важнее всего остального. Что-то очень знакомое колыхалось в сознании, нужно было только ухватиться... – Фило.

– Что ты там бормочешь? Ни хрена же не слышно!

– Фило. Мой сын, – слово оказалось очень странным, очень чужим, будто Рантар никогда его не произносил. И все же он был теперь уверен, что произносил его, и не раз. – У

меня есть сын.

Мысли стали разглаживаться, обретая ясность. Этот мальчик напомнил ему сына. Но где сам Фило? Этот вопрос казался очень важным, хотя он чувствовал, что тот несет боль. И все же он боролся с мыслями, пытаюсь докопаться до сути, будто пытался удержать в руках вырывающуюся скользкую рыбу.

– Фило. Его так звали. То есть зовут. Где он, Усин, ты знаешь?

– Опять ты за старое! Найдут твоего сына, найдут!

– Я его потерял?

– Ну да. Сколько можно талдычить одно и то же? Каждый день, будто в первый раз.

– Я часто спрашиваю?

– Да постоянно! Достал уже. Королева-мать обещала найти твоего парнишку, так что не переживай. Наверняка скоро объявится. Пойдем, а? Сам же торопил. Эй вы, засранцы, слышите меня? Если вы все не уберетесь отсюда через несколько минут, то я вернусь и сделаю с вами то же самое, слышите?!

Ответом ему была тишина, но сейчас это не волновало. «Как я мог потерять сына, разве он коробка с табаком, чтобы взять и просто потеряться?» Рантар все стоял и пытался вспомнить, что произошло. Что-то гадкое, но ничего конкретного. А сон все звенел вокруг, подталкивая к двери.

«Может, если проснуться, то получится вспомнить?»

Мысль показалась логичной, и он пошел следом за грохочущим великаном. Возможно, скоро он найдет ответ на то, что его мучает.

Серое небо встретило безразличием, и он огляделся снова, будто забыл, где был совсем недавно. «Ну почему эти сны так похожи друг на друга?»

– Пойдем быстрее, ты прав, – сказал Усин. – Жрать охота.

Мокрая грязь противно чавкала под ногами, они двинулись прочь с холма, туда, где неподалеку чадили трубы маленького селения. Рантар помнил, что они остановились в каком-то небольшом трактире с названием, которое все никак не получалось запомнить. Усин шел рядом и гудел тягучим басом о том, как ему хотелось бы сразиться с настоящими противниками, рвать головы в пылу истинной битвы. Вновь вспоминал про Валентина и других героев, отличившихся в последнее время.

– Они-то не валандаются, как мы. Настоящим делом заняты. Слыхал недавно, что кто-то великанов видел, каково? Спустя пятьдесят лет объявились на северных предгорьях. Авось и папаша мой еще жив. Вот бы с ним силами помериться. Настоящая потеха!

Усин довольно оскалился и мечтательно взглянул на север, но Рантар не хотел ничего из вышеперечисленного – только, наконец, очнуться. Для того, чтобы проснуться, рядом должна была возникнуть *она* – роза с величественными лепестками. Доротея, прекраснейшая из женщин. Но та не

торопилась появляться, заставляя барахтаться во мраке.

Рантар почесал бороду. Он не обращал внимания на людей вокруг и на таверну, которую не мог запомнить, даже когда они остановились за столом и принялись пить. Он все еще не мог очнуться от странного наваждения. Фило. Сын. Где он мог быть? Неподалеку? Когда Рантар вообще потерял его? И как?

Он гладил местного кота, который терся о ноги, пока голос не вырвал из оцепенения:

– Простите, – Рантар поднял голову и заметил плешивого мужчину, виновато заглядывающего в глаза. Вроде он был хозяином таверны. – Достопочтенный герой, один человек жаждет с вами увидеться.

– Кто?

– Он не назвал своего имени, но сказал, что это очень важно. Он ждет вас в комнате наверху, прямо рядом с лестницей.

– Это все? Как он выглядел?

– Думаю, это лорд или богатый купец, вид у него представительный, хотя одежда обычная.

– Авось бард. Написать хочет о наших подвигах, – громыхнул Усин, заглывая еще один стакан пойла.

– А если нет?

– Ну так прихлопни гада, и дело с концом. Это подмышка волосатая, а не село, некому тут на нас нападать. Эй, трактирщик! Еще дюжину кружек мне!

Бедняга закатил глаза, но спорить не стал, лишь отвесил

пару поклонов и поспешил скрыться. Мудрое решение. Усин менял настроение, как знатная дама – перчатки.

Рантар поднялся из-за стола и взглянул на лестницу. Комната ждала его впереди. Инстинктивно он проверил топоры на поясе и медленно пошел наверх. Сначала думал постучаться, но потом быстро зашел внутрь. Мужчина ждал у стола и окинул его изучающим взглядом. На тонких губах играла странная усмешка. Рантару не нравилось, когда над ним смеялись.

– Кто ты? Зачем звал?

Незнакомец был одет, как бродячий торговец или бард, выдававший лучшие дни, но в его позе и взгляде чувствовалось то самое высокое положение, которое смог определить трактирщик. Внешность не представляла собой ничего примечательного, за исключением странной худобы. Лицо было узкое, будто сплющенное, кучерявые непослушные волосы не мешало бы причесать.

– А ведь ты почти не изменился за столько лет. Только бороду отрастил.

– Мы знакомы?

– Не узнаешь меня, Антар? – мужчина больше не улыбался, хотя огоньки продолжили плясать в глубине глаз.

Рантар вздрогнул. Что-то знакомое колыхнулось в голове и вмиг исчезло. Он не хотел вспоминать это имя.

– Нет. И почему ты так зовешь меня? Мое имя Рантар.

– Разве? Уже забыл, как тебя зовут на самом деле?

– Хватит нести чушь, а то я могу перестать быть таким добрым, – он сделал шаг вперед, положив руку на топор.

– Понимаю, – серьезно кивнул незнакомец. – Прошу прощения, мои манеры уже не те, что прежде. Меня зовут Гийом. Но ты ведь должен помнить.

Рантар напрягся. Лицо молодого мужчины действительно показалось смутно знакомым, но вместо воспоминаний была сплошная каша. От напряжения все вокруг даже немного поплыло. Проще было ни о чем не думать. Так хотя бы голова не болела.

– Мне ни о чем не говорит это имя.

– Жаль. Я надеялся, что, увидев меня, ты вспомнишь. Присядешь? Нет? Ну ладно. Давай тогда к делу. Ты уже нашел своего сына?

Внутри что-то пошатнулось, будто колона задрожала и упала, разбившись вдребезги. Но вспомнить он так и не смог.

– Откуда ты знаешь про сына?

– Ты сам рассказал. Просил найти тебя, если куда-то исчезнешь. Вот только у меня и самого были большие проблемы, так что когда я спохватился, то от тебя не осталось и следа. Мне пришлось вынюхать, так сказать, половину королевства, чтобы найти тебя – больно часто меняешь места. А до этого пришлось выяснить, что с тобой случилось на самом деле.

– Не понимаю, о чем ты.

– Да, я вижу. Все еще хуже, чем я думал. Так сказать, ре-

зультат налицо. Она хорошо над тобой поработала. Сотворила цепного пса. Или палача. Как посмотреть. Элен была бы в шоке.

– Если хочешь выйти из этой комнаты живым, то советую начать говорить яснее, а то у меня там внизу полувеликан, который любит крушить черепа.

– Как сказала бы Элен: «У каждого свои слабости», – Гийом достал из-под плаща сверкающий металлом предмет. – Здесь два заряда, хватит на два выстрела. Даже если промахнусь с такого расстояния в первый раз, то во второй уже нет.

– Второго уже не будет, – покачал головой Рантар, готовясь к удару. Он уже видел эти штуки в действии, иногда они давали осечки.

– Ладно-ладно, это так, к слову, пришлось, – пистолет снова скрылся под плащом. – Я пришел не угрожать, а помочь.

– Мне не нужна помощь. – Кажется, Гийом просто псих, тратить на него время не имело смысла. Не выслушивать же каждого идиота? Все-таки какой глупый сон. Вот только поворачиваться спиной к Гийому не хотелось. Наверное, стоило его убить. Пусть и во сне.

– Нет, нужна. Ты ведь сам попросил о помощи. И даже если бы нет, то не бросать же мне в беде старого друга, так?

Рантар сощурился, глядя на молодого мужчину, и покачал головой.

– Мы не друзья.

– Тогда почему бы не подружиться? Или ты думаешь, что

те, кто вокруг тебя сейчас, – твои друзья? Это была бы очень неудачная шутка. Дело вот в чем. У нас проблемы. У тебя и у меня. И уже давно. И у всех вокруг тоже. Но ты не сможешь решить ни одной, пока не вспомнишь, кто ты такой, улавливаешь мою мысль?

– Нет.

– Ничего страшного. Скоро все поймешь, – кучерявый медленно поднялся, видно, давая понять, что безопасен, руки держал на виду, это было мудро. – Для начала неплохо было бы вернуть свое имя, я прав? Свое настоящее имя. Вместе с ним все станет проще. Про сына ты помнишь, это еще один хороший знак.

– А какой другой?

– Я все еще жив. Зная твою нынешнюю репутацию, это можно назвать успехом. Так вот. Тебя зовут Антар. Уже много лет. А еще у тебя есть сын – Фило.

Рантар уже хотел разmozжить ему голову, но имя сына словно выдернуло его изo льда. Он моргнул, всматриваясь в молодое лицо. Почему ему кажется, что они все-таки знакомы?

– Тебя зовут не Гийом, – осторожно произнес он.

– Рад слышать. Не все ты забыл окончательно. Ты просил помочь разыскать твоего сына.

– Видно, ты не справился.

– Увы. Я даже тебя потерял на много лет. С каждым годом становится все хуже, но, как это бывает, мне помогла случай-

ность. Я все-таки нашел тебя. Значит, полдела уже сделано. Теперь твоя очередь. Пора вернуть свое настоящее имя.

Рантару не нравилось смутно знакомое лицо, будто за его чертами прятались какие-то тайны. Он не был другом, но как Рантар ни силился разобраться с кашей, царившей в голове, ничего не выходило. С таким же успехом можно было искать что-то в болоте.

– И как мне вернуть имя?

– У меня есть пара идей, – на лице человека возникла противная улыбка. – Начнем с самого простого. Спроси у нее про своего сына. Спроси про Филю у Доротеи.

Что-то дернулось. Из груди готов был вырваться приятный вздох от одного воспоминания, а тело отозвалось мелкой дрожью. «В самом деле, почему бы не спросить у нее?»

– А что потом?

– Не останавливайся. Спрашивай, пока не получишь ответа. Она точно знает, где он.

Рантар хотел еще что-то спросить, но услышал радостный крик здоровяка внизу. На секунду он отвел взгляд, а когда вернул его обратно – мужчина исчез, будто все это время Рантар разговаривал сам с собой. В комнате не наблюдалось и намека на чужое присутствие. Впрочем, какая разница? Рантар бы не удивился, если бы тот превратился в здоровенную пчелу и вылетел в окно. Во снах и не такое бывает. Пора было уже прийти в себя.

Он спустился по лестнице, заметив трактирщика, выти-

равшего лицо. То ли он потел, то ли плакал. Неудивительно. Вокруг Усина лежало уже больше десятка кружек, а платить он явно не собирался.

– Она здесь, Рантар! Наконец-то! – гроыхнул гигант.

Простая фраза сделала Рантара легким, как перышко, которому не терпелось вырваться на волю и кружиться в потоках ласкающего воздуха. По спине побежали мурашки. Не дожидаясь громы, он выскочил на улицу, с трудом переводя дыхание. Сон вот-вот закончится. Его ждала *она*.

Глава 2

Пробуждение

Вереница всадников и несколько карет занимали собой всю грязную дорогу возле трактира. Пожалуй, никто из местных еще не видел такого великолепия: королевские гвардейцы в алой броне на могучих конях, золотисто-бордовые кареты с лепниной, поражавшие своими красками, казались в окружавшей серости вызывающе сказочными. Восхитительными в своей надменности. Даже обычные меховые плащи гвардейцев выглядели роскошно. Местным ради таких пришлось бы корячиться годами.

Несколько раскрасневшихся под холодным ветром слуганок в золотистых масках бросали перед каретой лепестки роз, тающих в коричневой грязи. Дыхание Рантара замерло от великолепия, но в тот момент, когда дверь кареты открылась, его сердце окончательно остановилось. На подножке показалась она.

Густые темные локоны рассыпались по нежно-желтому платью, которое выглядело одновременно строгим и притягивающим. Даже этот цвет, суливший дурное расположение духа, казался глотком свежего воздуха в окружавшем зловонии.

Не дожидаясь команды, Рантар согнулся в глубоком по-

клоне, опустив голову, хотя он жаждал ловить каждое ее движение и взгляд. Прожечь встречным взором ее платье. Пара слуг подхватили ее и перенесли через грязь, чтобы поставить рядом с Рантаром. Преступно близко. Он мог рассмотреть ее расшитые золотом сапоги.

– Королева-мать, – с придыханием произнес он.

– Рантар, – мягкий голос ласкал слух, и он ощутил, что щеки краснеют, как у мальчишки. – Поднимись, дай взглянуть на тебя.

С трудом он встал и допустил жуткую дерзость – взглянул ей прямо в глаза. С последней встречи она стала еще прекраснее: более совершенное лицо со взглядом страстных изумрудных глаз трудно было представить.

Он бы с радостью сказал, как рад ее видеть, или просто вырвал сердце и бросил к ее ногам, но тут раздался возглас:

– Ваше Величество! – От голоса будто разверзлись небеса, а земля под ногами слегка завибрировала. – Я так рад!

Огромная фигура Усина с накинутыми на спину шкурами отвесила неловкий поклон, а потом улыбнулась.

– Ваше поручение выполнено.

– Рада слышать, Усин, – улыбнулась она. – Хоть одна хорошая новость за сегодня. Феликс?

Всадник в бордовом плаще подъехал чуть ближе и окинул Рантара неприязненным взглядом холодных глаз. Но Рантару была безразлична надменность королевского командующего – скоро все перестанет иметь значение.

– Слушаю, Ваше Величество.

– Мы разместимся в замке барона. Отправьте людей и подготовьте все к нашему приезду.

Тот молча кивнул и развернулся, выкрикивая распоряжения.

– Госпожа, позвольте обратиться с просьбой, – прохрипел Усин, и в этот момент Рантару захотелось бросить в него свой топор. И забить его глубоко в голову. В любого, кто мог помешать ему наслаждаться королевским вниманием.

– Дозволяю.

– Прошу, дайте мне присоединиться к подавлению бунта. Или отправьте к южным границам на войну с Монфором. Я хочу найти истинных противников на поле сражения. Ведь я герой.

– О да, мой гигант, ты герой, но порой герои нужны рядом. У меня для вас еще множество важных заданий, а лучших я предпочитаю держать подле себя.

Королева-мать говорила все это, но смотрела только на Рантара, и от этого взгляда он готов был расплавиться, как масло в котелке. Внутри него все дрожало.

Полувеликан засопел и отвесил что-то вроде поклона. Дюжину раз он просил королеву и столько же раз получал отказ. И будет просить до самого конца. Напористости здоровяку было не занимать.

– Поосторожнее со своими просьбами, громила. Тебе недостает почтения. Мать и за меньшее отправляет к Испра-

вителям, – молодой всадник был почти полной копией того человека, с которым Рантар говорил в таверне – те же тонкие губы, кучерявые волосы. Вот только это был не он. Перед ним был принц Себастьян. Чего только не происходит во снах.

– Себастьян, зачем быть таким грубым? – поморщилась королева. – Мы ценим наших героев и уважаем их просьбы. А Усин уже так много сделал для нас.

– Усину не мешает знать свое место.

– Я ваш верный слуга, – на этот раз у громилы поклон получился куда лучше.

– Вот видишь, дорогой. Ванесса, ты разве не хочешь поприветствовать наших героев?

– Нет, – раздался из мрака кареты четкий ответ.

– Вы должны нас простить, дорога выдалась не из лучших, – обратилась она к Рантару с одной из своих обезоруживающих улыбок. Он был готов упасть в обморок.

– Ну что вы... это и так огромная честь для нас.

– Еще бы, – обронил молодой человек. – Феликс, полагаю, мы можем уже выдвигаться.

Себастьян развернул коня и двинул его вперед по дороге. Часть всадников потянулась за ним.

– Возьмите коней, герои. Я хочу, чтобы вы сопровождали нас и были со мной в замке, – сказала королева-мать.

Она обожгла Рантара взглядом и дала знак слугам, чтобы те тащили ее обратно в карету. А Рантар неотрывно наблю-

дал за тем, как колышутся складки ее платья на ветру, пока двери кареты не затворились. Но на мгновение Доротея все-таки выглянула и улыбнулась ему. Это была особая улыбка, означавшая, что сон скоро закончится.

Рантар поспешил к своему коню, желая двигаться как можно ближе к карете. Если повезет, ему достанется еще хотя бы один взгляд королевы. Или он увидит ее руку. Усин мрачно вышагивал рядом. Все равно ни одна лошадь не смогла бы выдержать его веса.

Длинная процессия в кричащих нарядах двинулась в сторону маленького замка, в котором Рантар совсем недавно побывал. Местные жались в стороны или выглядывали из-за заборов, не смея и близко подойти к королеве. Пожалуй, для них это был сказочный порыв весеннего тепла среди наступающей стужи. По крайней мере, Рантар чувствовал именно это.

Увы, за все время пути ему так и не довелось увидеть королеву, хотя он и ощущал близость ее присутствия. Когда они остановились возле замка, тот показался еще меньше и невзрачнее, чем в прошлый раз.

– Убожество, – сплюнул Себастьян. – Каждый день все хуже и хуже. Ты как будто издеваешься, мама.

– В этих местах мятеж, сын мой. И почему бы не посмотреть на земли, которыми ты будешь править? Разве я не права, Ванесса?

– А будем ли?

Принцессе не было дела до окружающих, лицо ее выражало безмерную скуку. Она была одновременно копией матери и полной ее противоположностью. Жизнь была ключом в первой, королева словно хотела попробовать весь мир на вкус, а принцесса, унаследовав всю красоту, оставалась холодной, как подвальные стены.

Замок, словно вырубленный в скале, казался сейчас простецкой кладовой, стыдливо закрывающейся цветастыми вазами. Повсюду уже начали хозяйничать люди, а вереница карет заняла всю территорию возле входа. Кажется, королева взяла треть своего двора вместе с собой. Она скрупулезно рассматривала каждую вазу, изучая лепестки роз, и чаще всего морщила свой миниатюрный нос. Рантар шел следом, ловя каждое движение королевы взглядом.

Довольно скоро она добралась до зала, с любопытством рассматривая тела, которые еще не успели убрать. Рантар посмотрел на то место, где видел мальчишку. Мысли, которые так и не могли обрести форму, бились, как загнанный в клетку зверь. «Что я должен вспомнить? Что?» Увы, лучше не становилось. Рантар упускал что-то важное и даже не мог понять, что. Досадливо почесав бороду, он вернулся к созерцанию королевы.

Доротея, так он иногда находил в себе смелость называть ее, с любопытством рассматривала тело баронессы. Она поставила свой сапог на грудь покойной, и на королевских губах появилась мечтательная улыбка.

– Ах, как жаль, что меня здесь не было... Рантар, ты молодец. Я уверена, что всегда могу на тебя положиться.

Духу хватило только на то, чтобы покорно склонить голову, заглядывать в глаза он уже не посмел. Сейчас в них мелькнуло нечто знакомое, отчего его бросило в жар.

– Делов-то, обычная резня, – Ванесса презрительно морщилась, стоя в дверях зала. – Нам обязательно ходить туда, пока их не убрали? Не люблю вида крови.

– Это кровь наших врагов. Она должна поднимать тебе настроение, – пожала плечами королева.

– Меня сейчас вырвет.

– Можешь пока подняться и остановиться в одной из комнат.

– С таким же успехом можно было остановиться в хлеву. Зачем мы вообще здесь, мама? – Себастьян пинком ноги отшвырнул отрубленную голову одного из стражников, и та послушно покатилась в другой конец зала.

– Ты прекрасно знаешь.

– Но зачем мы *тут*? Всего в дне пути отсюда замок Хальваров. Они наши друзья, и там хоть что-то похоже на цивилизацию. А тут мы все даже поместиться не сможем.

– Ничего страшного, слуги будут ночевать в коридоре или на улице, а нам комнат хватит. Если бы мы остановились у Хальваров, пришлось бы делать крюк, а это место как раз подходит... для нашей цели. Верно, Феликс?

– Конечно, Ваша Милость.

– Я полагаю, мы можем начинать наше собрание, Феликс. Позови остальных.

– Ваше Величество, сначала надо убрать тела, и потом...

– Начнем немедленно. Рантар, ты тоже к нам присоединишься.

– А ему что тут делать? Может, еще Усина позовем? – скривился Себестьян.

– Разве ты забыл, дорогой братец, что мама любит держать свои игрушки под рукой?

– Ванесса!

– Прости, мама, у меня просто кружится голова от этих запахов. Пойду полежу наверху. Если там найдется на чем, – принцесса зажала нос платком и быстро вышла наружу.

– Рантар – великий герой нашего королевства. Он отрадил атаку амеванов, бился во многих сражениях и является верным слугой короны. И у него куда больше мозгов, чем у Усина. Рантар остается.

Рантара словно и не было здесь, и реплики всех людей не имели какого-либо значения. Но ему льстило, что королева так печется о нем. Выделяет из общего числа. И какая разница, пусть кривятся, если хотят.

Постепенно в зале стали прибавляться люди. Роскошных одеяний и сильных запахов становилось все больше, и от этой пестроты было не по себе. Рантар ощущал, как кружится голова. Если бы королева дала больше времени, то все люди должны были бы явиться в одежде одной гаммы, но они

были одеты по-походному, и лишь желтые розы, приколотые к манжетам, могли извинить их. Безукоризненно выбритые мужчины отталкивали белизной кожи. Все они странно косились на Рантара, но ни один не рискнул как-то прокомментировать его присутствие на собрании. Воля королевы-матери была законом.

Слуги убрали тела, оставив лишь кровавые разводы на полу, которые вельможи пренебрежительно обходили. На небольшом столе, за которым еще не так давно сидел барон и его супруга, разложили карту.

– Говори, Феликс.

Командующий армиями прочистил глотку и сдвинул брови, оглядывая присутствующих.

– Войско Семёра разбито. Целиком и полностью. Армия во главе со мной и Валентином перебила оставшийся жалкий сброд, практически не оставив никого в живых.

– Я слышал, что пленных не брали. Валентин не был замечен в излишней жалости, – сказал мужчина с высоким голосом.

– Так говорят для красоты, Ваше Сиятельство. В бою трудно заметить, кто сбежал, а кто нет. Те, что сражались на поле, на нем и останутся. По большому счету это не так важно. В основном это были крестьяне, несколько наемников да пара отчаянных голов. Войско разбито, вот только... Семер смог сбежать. Так мы думаем.

Командующий обдал Рантара презрительным взглядом,

будто это был лично он виноват в произошедшем.

– Мерзкая крыса! Уже в третий раз! – Себастьян ударил кулаком по столу.

– Да, Ваше Высочество, к сожалению. Я предупреждал Валентина быть бдительнее, но он горячая голова, а Семер – хитрый лис.

– Тогда все это не важно, – вмешался все тот же мужчина с высоким, почти женским голосом. – Раз Семер жив – мятеж не закончится. Он вновь соберет доходяг или еще кого и обязательно покажется через пару лет. Нам известно, куда он делся, или все как обычно? Провалился сквозь землю?

– Как обычно.

– Прекрасно.

Присутствующие покачали головами и начали шептаться. Мужчина, по положению не ниже графа, если судить по количеству лепестков на его броши, взмахнул длинными соломенными волосами и взглянул прямо на Рантара.

– Я слышал, вы когда-то были знакомы. Быть может, вы знаете, куда он мог направиться?

Все перевели на Рантара выжидательные взгляды, и его сердце начало биться сильнее. Они хотели услышать ответ, но ведь он даже не знал, кто такой этот Семер. Или знал?

– Я не... Не думаю, что...

– Семер не настолько глуп, чтобы появляться там, где его ждут, – вмешался Феликс. – Боюсь, он засядет в очередном болоте и будет там гадко булькать.

– Тогда сожжем все проклятые болота в этой богами забытой земле, – вступилась одна из придворных дам. Пара человек одобрительно закивала.

– Мы будем действовать тоньше, – голос королевы звучал, как пение соловья, хотя ее лицо превратилось в застывшую маску. – На этот раз он не уйдет.

– Ваше Величество, а как насчет изделий главного королевского изобретателя – Мафенаса Гармского? Быть может, что-то из них поможет в поисках?

– Творения господина Мафенаса и так сильно помогли нам в бою. Однако боюсь, что среди них нет такого, что выследит этого мерзавца, – на лице Доротеи появилась слегка рассеянная улыбка, за которой Рантар смог прочесть едва сдерживаемый гнев. – Важнее другое. Среди местных нам известны и наши соратники, и потенциальные соперники. Мы напомним о своей силе и влиянии всем. Пусть не думают, что мы спокойно ждем где-то там, далеко, в Севарии. Пусть почувствуют, что мы совсем рядом. Пусть истрийцы боятся.

Она осмотрела зал и на секунду остановилась на Рантаре. От этого мимолетного взгляда у него зашевелились волосы на голове. А еще он узнал слово «истрийцы». Раньше это многое для него значило.

– От присутствующих мне нужно две вещи: великолепие и информация. У местного отребья должно дух захватить от нашей красоты и мощи, а ваши связи и наблюдения позволят

выявить предателей.

– Бараны, – сжал кулаки Себастьян. – Столько лет назад проиграли войну и еще на что-то рассчитывают. Пара показательных казней – вот что нам нужно.

Королева-мать проигнорировала сына:

– Мне важно, чтобы у нас было как можно больше союзников. И мы точно знали, на кого можем положиться. Для каждого из вас у меня найдется свое поручение. Феликс, что еще?

– Меня беспокоят донесения из лесов Белоозерья. Рогатых видят все чаще. Пока по одному их ловят неподалеку от этого треклятого леса.

– Они готовятся к новому нападению? К охоте?

– Нет. Не уверен... Такого еще не было раньше...

– Тем лучше, – Себастьян налил в бокал вино так, что оно чуть не перелилось через край. – Пусть сидят в своем лесу и сдыхают. Ведь наши разъезды справляются? Добавим людей. Пусть не оставят этим животным ни единого шанса. Есть еще что-то стоящее на сегодня? Мы все устали от этой мерзкой дороги. Будто по бревнам перекатывались несколько дней. Боги точно оставили эту землю, жаль, что мы ее выбрали.

Одним глотком он осушил бокал и взглянул на мать. Доротея помедлила, прежде чем сказать:

– Да, Феликс, есть еще что-то важное?

– На Новых территориях путанные донесения, я жду конкретики. Гауров становится в городах все больше, похоже,

наступила новая волна миграции, а у торговой гильдии этих проныр-гоблинов новые соглашения...

– О боги! Умоляю, только без меня! – Доротея притворно закатила глаза. – Терпеть не могу истории про монеты. Себастьян и уважаемый граф справятся.

С этими словами она улыбнулась мужчине в коричневом камзоле с каштановыми кудряшками. Лишь за одну эту улыбку Рантар был готов убить мерзкого графа.

– Я надеюсь, что сегодня вы меня услышали. Мы не для того заполучили эти земли, чтобы они утекли сквозь пальцы. Я рассчитываю на всех вас. А теперь прошу меня извинить, я действительно очень устала с дороги.

Все почтительно склонились, когда королева быстро прошла мимо и скрылась в дверях. Рантар остался в зале собрания со щемящим сердцем, будто забытая дворняга. Она даже не посмотрела на него на прощанье. Ему стало невыразимо грустно, это означало, что сон будет продолжаться и дальше. Разговоры дворян мало его интересовали, но Рантара никто и не отпустил, поэтому он просто стоял, устремив взгляд в пол.

– Эй ты, мясник! Можешь проваливать, – Себастьян набрал себе новый бокал вина. Сейчас он был уже не так похож на того незнакомца в трактире, но это было и не важно. Рантар только ждал шанса улизнуть, не обращая внимания на взгляды, направленные в его сторону.

Он вышел в коридор и принялся разглядывать цветы, буд-

то желавшие ему что-то сказать. Рантар наклонился поближе, словно мог расслышать их слова, но ничего так и не произошло. Он вздохнул и принялся ждать. Сам не зная чего. Иногда он мог стоять так довольно долго, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Внезапно Рантар услышал, как один из цветков его зовет, вздрогнул, но быстро понял, что это говорит рядом стоящая служанка. На ней было простое, но безукоризненно гладкое желтоватое платье. И такая же маска с узором из цветков на лице.

– Господин Рантар. Королева-мать желает вас видеть наверху.

Радостный крик замер где-то в груди, и Рантар лишь сдержанно кивнул, направившись к лестнице. Предвкушение захлестнуло, как мощная волна, которая, еще мгновение – и впечатает его в стену. Он встал возле заветной двери комнат королевы и легонько постучал, прежде чем войти. Его обычно крепкие руки дрожали, как у последнего пропойцы.

В покоях был полумрак, который развеивали только несколько канделябров, стоявших на маленьких столиках. Возникшая посреди комнаты тень метнулась к нему, чуть не сбив с ног, и Рантар ощутил, как жадные влажные губы увлекают его в страстный поцелуй. Он пытался ответить тем же, но получалось как-то неловко. Его окружил аромат ванили, роз и клубники, напоминающий, что он попал в настоящий мир. Сон, наконец, стал растворяться, и жизнь захлестнула

Рантара бешеным потоком. Вот он – момент, которого Рантар так долго ждал. Теперь он чувствовал себя живым и сильным, и весь туман вокруг будто исчез.

Губы Доротеи обладали удивительной сладостью и не менее яркой горечью, которая так волновала Рантара. Королева ничего не говорила, лишь разрывала на нем одежду своими цепкими пальцами.

– Рантар. Наконец-то! Рантар...

Она с силой укусила его за шею так, что он чуть не вскрикнул, а потом заглянула в глаза. Рантар ощутил, как колени становятся все слабее.

– Я видела цветы в том зале. Ты такой молодец! Ты самый лучший, Рантар! Эта сука получила по заслугам. Ты ведь убил ее этой самой рукой, правда? – Она взяла его пальцы и принялась медленно облизывать.

Штаны готовы были просто лопнуть на нем, и Доротея, чувствуя это, сжала его одной рукой, принялась массировать. Потом повалила его на пол недалеко от двери и растянула свой корсет, давая полюбоваться на ее сочную, полную грудь. Миг – и она уже сидит на Рантаре, снимает с него штаны. Снова жаркий поцелуй, от которого кружится голова. Потом последовал тяжелый вздох, и он ощутил, как медленно входит в нее, постанывая от удовольствия. А Доротея, обхватив его грудь руками, начала двигаться, сначала медленно, а потом все сильнее – вжимая его в пол. Рантар следил за каждым движением, каждым изгибом ее тела и улыбался.

Она дергалась в упоении, постепенно начиная кричать так сильно, что толстые стены задрожали, как от землетрясения. Черная вспышка поразила разум, а потом все стало тихо и безмятежно, будто само время остановило свой ход.

Они лежали на полу тяжело дыша, и постепенно к Рантару возвращались все ощущения, будто он брал контроль над своим телом. Грудь саднило: он заметил множество свежих царапин под волосами. Каждую из них он готов был с гордостью лелеять, как заслуженную медаль.

Мир вокруг ожил, краски стали ярче, даже воздух ощущался иначе, став чистым и прозрачным.

Королева, *его* королева, довольно рассмеялась и принялась теребить волосы на его груди.

– Да, вот именно это мне и было нужно. Я скучала по тебе, Рантар, – палец скользнул по лицу, потом по бороде, а внутри его тела будто пролетел сквозняк.

Какой-то незнакомый голос возмущенно шепнул: «Я Антар». Рантар замер.

– Все в порядке?

– Да, моя королева, просто сердце расшумелось.

– Рановато ему. Запомни, ты мне еще нужен. И откуда эта дурацкая королева? Только ты можешь звать меня по имени.

– Конечно, Доротея.

– Так-то лучше, – она сладко, по-кошачьи потянулась, давая еще раз рассмотреть свою грудь, и поднялась, наливая себе вина. На удивительные изгибы ее тела можно было лю-

боваться вечность. – Теперь день прошел не зря. Я так устала от этих ужасных колдобин, наверняка от них у меня и разошлась мигрень. И эти напыщенные болваны! Они из кожи вон лезут, чтобы угодить мне, но я вижу, как мерзко блестят их глазки. С какой бы радостью я их всех перевешала!

Доротея – какое это все-таки замечательное имя, на вкус, как сочный бутон цветка, – отпила из бокала и скользнула по Рантару взглядом.

– Скажи, Рантар, если сейчас я попрошу тебя пойти туда и убить их всех своими топорами, ты это сделаешь?

– Конечно, – пожал он плечами, отмахиваясь от новой волны холода.

Королева как-то странно рассматривала его, а потом расплылась в улыбке, подходя и жадно целуя в губы, как будто хотела проглотить его, как недопитое вино.

– Вот за это я тебя и люблю, дорогой. Ты не боишься действовать. Может, мы еще устроим это. Позже. Скажи, тебе нравится то, что ты видишь?

Рантар был в восторге, очутившись будто в волшебном саду, над ним нависали наливные груди с задорными сосками, как у молодой девушки. Вся кожа королевы благоухала, а требовательный изгиб полных губ заставлял хотеть ее еще больше. Но все это он мог лишь ощущать, не в силах облечь чувства в слова. Любое казалось осквернением такой красоты. Все внутри кричало, порываясь к ней.

– Да, госпожа, – все, что его скудный язык смог вымол-

ВИТЬ.

Она сжала его волосы и притянула к себе вплотную.

– Я самая прекрасная из всех? На всей земле?

– Безусловно.

– И ты любишь меня сильнее всех?

– Да.

Рука Доротеи держала его волосы так, будто собиралась оторвать их, снять с него скальп, но ему было все равно. Она могла сделать с ним все что угодно.

– Не представляешь, как много для меня это значит, – королева отпустила его голову, прошла к кровати и накинула на себя пеньюар. – Ох, Рантар, я так устала. Порой мне кажется, что ты единственный, кто меня понимает. Дети стали совсем несносными. Себастьян перестал слушаться и сопровождает каждый мой шаг едким комментарием. Я еще придумаю, как проучить этого наглеца. А Ванесса не интересуется ничем, кроме мужчин. Похожа на меня, этого не отрицать, вот только я не ветренная, и у меня в ее возрасте были и другие увлечения. А ее не интересует вообще ничего! Ох, столько лет я тащу все на себе и не могу положиться ни на кого, кроме тебя.

Доротея осушила бокал одним залпом и налила себе еще. Вернувшись на кровать, она принялась потряхивать ногой, устремив взгляд куда-то очень далеко, туда, где Рантар не мог ее найти – но ему этого было не нужно. Он все так же послушно продолжал лежать на холодном полу, наблюдая за

ней.

– Но больше всего, Рантар, я ненавижу эту проклятую страну. Истрия так близко к северу. Тут гадко, холодно и уныло. Я будто на вечных похоронах! А ты знаешь, как я этого не выношу. Жизнь создала меня для прекрасного, а я вынуждена торчать здесь, устрашая этих жалких скотоводцев. Они должны трепетать от одного моего имени и падать на колени при моем появлении!

Новый бокал оказался пустым быстрее, чем предыдущий.

– Знаешь, Рантар, вы с Усином стали слишком мягкими. Они этого не заслуживают. В следующий раз убивайте всех. Так они поймут, что меня надо бояться. Страх – вот самое сильное чувство. Тебе все ясно?

– Да, госпожа.

– Мда, а ведь были времена, когда ты был более словоохотливым, – холодок пробежал по спине Рантара от ее взгляда.

– Госпожа, я...

– Неважно, – отмахнулась королева. – Ты можешь идти. Я не могла разобраться с делами, пока думала о тебе, но теперь мне надо побыть одной.

Рантар был разочарован, отвергнут. Вновь ощутил погружение в этот странный, мерзкий сон, из которого ему вот-вот удалось выбраться. Он будто сделал один вздох и вновь был вынужден погрузиться в зловонную пучину. Одеваясь, он взглянул на дверь в комнату для слуг, и перед ним вновь

возник образ мальчика. Внутренний сквозняк превратился в метельную стужу. Он перестал думать и о снах, и о красоте своей женщины, будто это и не имело никакого значения.

– Фило...

– Что ты сказал?

– Мой сын. У меня есть сын, – королева моргнула, будто увидела его впервые. – Где он? Ты обещала его найти.

– Ах, Рантар, все требует времени, ты же знаешь. Это непросто.

– Прошло уже много времени, – не то чтобы он это знал, скорее – чувствовал. Прошло куда больше времени, чем нужно было для поисков. И больше, чем... для чего? Внутри зашевелилось странное ощущение. Что это? И почему он вообще стоит в этой комнате? Ему будто надо было что-то вспомнить, но он не знал, что. Неясное чувство тревоги вновь заставило все внутри него похолодеть.

– Не зазнавайся, Рантар. Помни, с кем ты говоришь. Я найду себе и другого героя, а тебя прибую над воротами этого замка.

Прежде чем он успел что-то ответить, Доротея быстро подошла к нему и поцеловала. Он пошатнулся и чуть не упал, когда она провела рукой по его щеке. Она почему-то была холодной.

– Прости, дорогой, я не это имела в виду. Просто устала. Не беспокойся, мы найдем его. Ведь я обещала. Ты мне веришь?

«Нет, ведьма!» – закричало что-то изнутри, и он чуть не поперхнулся, с ужасом глядя на нее. Он надеялся, что она не услышала этой фразы.

– Рантар, все в порядке?

– Да... моя королева. Вам не стоит ни о чем беспокоиться, – он склонил голову, чтобы она не смогла прочитать смятение в его глазах. Сердце пугающе колотилось. Откуда вообще взялась эта страшная фраза? Кошунство!

Она не отпускала его, держа за руку, и заглядывала в глаза, как нашкодившему ребенку. Ему пришлось найти в себе силы ответить на взгляд. Время шло, но, похоже, она не находила то, что искала. Лишь отпустила его руку и уставшим голосом сказала:

– Уходи, Рантар.

Когда он взялся за ручку двери и по привычке захотел попрощаться, то увидел лишь спину. Она уселась за столик с намерением что-то записать. Королева лишь слегка наклонила голову в его сторону:

– Завтра ты получишь очередное задание. Сделай так, чтобы я гордилась тобой.

Рантар ничего не ответил, просто слегка поклонился. Каждое задание он выполнял беспрекословно, и королева это знала. Прощания не были его сильной стороной, поэтому он просто вышел.

Спускаясь по лестнице, он ловил на себе мимолетные, едва заметные взгляды слуг, но не придавал им никакого зна-

чения. Его волновало другое.

Странный голос, проснувшийся внутри из какой-то загадочной глубины, звучавший, как эхо. И все же он казался смутно знакомым. Напоминал его собственный. Но это было невозможно: никогда бы ему не пришло в голову называть королеву ведьмой. Голос был неясным, раздражающим, как зубная боль. И этот ее тон... Рантар был уверен, что разговор по поводу Филю у них был уже не раз. Он возникал постоянно и уже давно. Но Рантару никак не удавалось вспомнить, насколько давно.

Рантар пребывал в смятении, не в силах найти ответа на свой вопрос. В довершении всего мир вокруг почему-то не торопился стать сном, он был таким же ярким и вызывающим, как и в моменты близости с Доротеей, и этому Рантар тоже не мог найти объяснения.

Мимо проходила молоденькая девушка, и он поймал ее за руку. Почему она выглядела так, будто готова лишиться чувств?

– Куда? – просто спросил он.

Глаза девушки за маской дрожали, как и губы, потом взгляд немного изменился. Молча она кивнула в сторону, и он отпустил ее. Пора было лечь спать. Возможно, отдых пойдет ему на пользу. Хотя это вообще было похоже на глупость. Разве может быть сон внутри сна?

Он гладил пальцами лезвия топоров, чтобы хоть как-то прийти в себя. Обычно это успокаивало, но сейчас поче-

му-то не выходило. Рантар оглядывался по сторонам так, будто оказался в чужом доме, не помня, как сюда попал.

В одной из комнат лежал Усин, заняв добрую ее половину, и рассматривал канделябр. Увидев Рантара, он слегка оживился.

– А в этот раз ты быстро.

– Королева уже отпустила.

– Да, я так и понял, – хохотнул здоровяк. – Мы все это слышали.

Рантару было все равно. Такова была воля его королевы, а это все, что имело значение. Мнение Усина не значило ровным счетом ничего.

– Замолвил за нас словечко? Она отправит нас на войну?

– Сказала, что завтра будет новое задание.

– Ох, боги. Опять эта скукота! Я скоро от тоски начну выть на луну, как бродячая псина.

Рантар пожал плечами. Он нашел свой плащ, завернулся в него и лег на большую кровать, готовясь ко сну.

– На собрании говорили что-то интересное?

– Не знаю, я не слушал.

– Тебе правда ничего не интересно? Ну, кроме этого, – Усин выразительно закатил глаза.

– Да, – пожал плечами Рантар, надеясь, что забытье поглотит его как можно быстрее. Ему не нравилось смятение, в котором он был вынужден пребывать. Вот только оно грызло его изнутри противно, так что ему не удавалось его иг-

норировать. Он догадывался о причине внутренних сомнений, но задавать вопросы не хотелось, потому что это могло обернуться еще большим смятением. Рантар переворачивался с одной стороны на другую, но никак не мог устроиться на мягких перинах.

Он достал топоры и принялся разглядывать их. Металл тускло переливался, давая как следует рассмотреть тюльпаны, что были выгравированы на лезвии. Гравировка как символ была чем-то важным, и не только для него. Но вспомнить, что именно, не получалось так же, как и сына.

– Что значат эти тюльпаны, Усин?

– Они уже давно ничего не значат.

Рантар нахмурился.

– Ты сказал, что я часто спрашиваю про сына. Это долго продолжается? То есть, я хотел спросить, как долго?

Громила почесал подбородок и нахмурился.

– Да ты все время о нем спрашиваешь. С того момента, как познакомились. Только что толку от меня? Я твоего сына не найду. Даже не знаю, как он выглядит. Надеюсь, я не раздавил ему голову...

Пришла очередь Рантара хмуриться. Но не из-за последней фразы, а потому что он не мог вспомнить, как долго они с Усином знают друг друга. Ему казалось, что чуть ли не всю жизнь, но это было неверно. Сон – это не жизнь. Так сколько же? Как он ни пытался понять, ничего не получалось, лишь внутренний холод становился все сильнее.

– А долго мы знакомы?

– Я все в толк не возьму: ты издеваешься или у тебя каша в голове?

– Сколько, Усин?

– Ну-у-у, года четыре, наверное.

Цифра ему ничего не сказала, но на душе стало как-то очень скверно, будто Рантар проглотилдохлую кошку. Только он не понимал, почему испытывает это ощущение, особенно после встречи с королевой. Раньше все было иначе. А потом Рантар понял, что были и другие случаи. Такие же моменты, когда он будто просыпался и начинал задавать вопросы. Много раз. Но он почему-то все забывал.

Рантар отвернулся и попытался заснуть, перестав обращать внимание на болтовню полувеликана. Пришлось напирать свою силу воли, чтобы игнорировать странное чувство, которое возникло где-то глубоко в животе.

Сон пришел сам собой, Рантар сначала даже не понял, что спит. Образы просто плыли перед глазами, но что-то подсказало ему, что они не такие, как обычно. Рантар не мог остановиться на одной картинке: они тут же сменялись, превращаясь в страшную круговерть, будто его привязали к колесу и спустили с холма. Вдруг все резко замерло, так что он едва не содрогнулся. Доротея стояла над ним со злорадной усмешкой на посиневших губах.

– Ну что, герой, теперь ты поклонись мне? Поклонись! – Она откуда-то взяла окровавленную руку и хлестну-

ла мертвыми пальцами по его лицу.

– Ведьма, – рыкнул он.

– Я заставлю тебя поклониться. Ты будешь лизать мои пальцы, слышишь, Антар?

Она поставила свою ступню ему на лицо и оттолкнула, как деревенскую дворнягу.

«Антар, Антар, Антар», – продолжало пульсировать в его голове, и Рантар очнулся. Было темно, и в ночной прохладе раздавался только громоподобный храп Усына. Все было спокойно, но его сердце готово было вырваться наружу и бежать на вершину самой высокой горы.

Ему привиделась королева, Доротея, но почему она так поступила? В теле все сжималось – кулаки, зубы. Он готов был перегрызть шею женщине из сна. Как он мог так искренне ненавидеть ту, которую считал божеством?

И это странное имя – Антар. «Разве это мое имя? Меня же зовут Рантар». Он провел руками по лицу, будто только что ополоснулся. «Почему это больше не похоже на сон?» Поежившись, Рантар закутался в плащ, но не мог спастись от холода, царившего внутри него.

«Я забываю сына, вот что, – ударилась мысль о стенку черепа. – Четыре года – это, наверное, много... Да, я не видел сына слишком долго».

Стало чуть легче, но все равно мороз не торопился отходить. Было что-то еще, что-то важное, и разгадка скрывалась за этим именем – Антар. Так его назвал незнакомец в та-

верне. Он сказал, что сперва нужно вернуть имя. Вот только как? Имя не похоже на флягу, забытую в корчме, как его можно вернуть?

Рантар лежал на спине и всматривался в мрак потолка. Вернее, он смотрел вверх, но взгляд его был направлен внутрь. Туда, где его ждало то, что он боялся открыть.

Глава 3

Бывшие друзья и бывшие враги

С утра в замке царило небывалое оживление, так что даже строгие каменные стены смотрелись живыми. Слуги носились по коридорам, подобно солнечным бликам, а на лицах вельмож проглядывало сдерживаемое напряжение.

Королева-мать решила отправиться с неожиданным визитом к местному графу, оставив половину двора в неведении о своих планах. Об этом можно было услышать буквально на каждом шагу.

Рантар все утро просидел в комнате и смотрел в одну точку. Королева не стала рассказывать о своих планах и ему. И даже не встретилась с ним лично. Просто передала письмо с очередным заданием:

«Мой верный Рантар, я вновь нуждаюсь в твоём заступничестве. С этим мерзким Семером пора что-то решать, на этот раз он от нас не уйдет. Я узнала, что барон Савлец его давний знакомый. На словах он преданный сторонник короны, но, как знать, быть может, старые связи по-прежнему сильны? Выясни это. У него есть поздний ребенок – сын Тусан. Убей его, если понадобится, но Савлец должен рассказать всю правду. И помни: ты нужен мне целым и невредимым. П. С. Сожги письмо, как обычно».

Вот и все, что несло для него послание из красиво выведенных букв с элегантными хвостиками. Очередное простое задание, которое надо выполнить. Рантар послушно бросил письмо в очаг на кухне, не проследив за тем, как догорает бумага.

Он почесывал грудь, тяжело дышал и все время оглядывался, будто ожидая увидеть притаившуюся тень за ближайшим углом, но там ничего не происходило. Доротея – ведьма, она издевается над Рантаром. По крайней мере, часть его именно так и полагала. Другая лишь в ужасе мотала головой. Ночные мысли слегка притупились, но не покинули его, тягостно давя и заставляя слоняться по коридорам без цели, в ожидании, когда Усин придет с утренней охоты. Поэтому, когда его позвала одна из фрейлин принцессы, он несколько воспрял духом в ожидании распоряжений.

Служанка провела его за собой в покои принцессы, немедленно вышла и закрыла за ним дверь, оставив наедине с пустой комнатой, в которой было слишком много белого. Белые ковры, шторы, занавески, даже кровать была вызывающе белой, будто никто никогда не касался ее. Рантар не сразу заметил белую фигуру, скрывающуюся в покрывалах, как в сугробе.

– Не пугайся, Рантар, а то ты похож на молодого жеребенка.

Ванесса улыбнулась самой милой улыбкой, отойдя от белого трюмо. Впрочем, ему не стало легче. Пеньюар, сидев-

ший на молодом теле, был настолько прозрачным, что в нем толком не было никакой необходимости. Рантар отвел взгляд, погружаясь в едкую белизну.

– Стеснительность не к лицу такому герою. Посмотри на меня.

Дочь королевы явно чего-то ждала, разглядывая его и не стесняясь ни своей наготы, ни улыбки, которая так и не сходила с лица. Сложена она была очень хорошо, не хуже матери, и все же нутром Рантар чувствовал, как и ночью, что происходит что-то неправильное. Нужно было развернуться и уйти. Убежать. Но он продолжал стоять, его никто не отпускал.

– Чего молчишь? Тебе не нравится, что ты видишь?

«В этих странных снах есть хоть один правильный ответ?»

– Нравится, – медленно сказал он. – Я просто не понимаю, чего вы хотите, Ваше Высочество.

– Разве? Знаешь, в нашем королевстве много героев, я уверена, что даже слишком много, и у каждого есть свой талант. Феликс отличный стратег. Валентин образец беспощадной жестокости. Усин первозданная сила. Табон прирожденный дуэлянт. Эфил мастер ловушек. Насира самая меткая. Боги, да если вас всех перечислять, то можно засидеться до позднего вечера. Но из всех них мать выбрала именно тебя. Почему?

– Ваше Высочество, я правда не понимаю...

– Тебе нравится, какая я? Нравится мое тело? Оно нравит-

ся всем. Знал бы ты, сколько стихов мне посвятили, сколько песен. Но ты... ты все время смотришь будто сквозь меня. Глядишь только на нее. Порой я спрашиваю себя, как ей это удалось, – принцесса сделала шаг вперед. – Раньше ты был совсем... другим. А теперь, как прирученный кот, любящий сидеть на коленках. С мужчинами она управляться умеет. Тебе нравится моя мать? Нам постоянно говорят, что мы очень похожи, это так? Может, нужен вид получше?

Ванесса скинула с себя белый чепец, и выющиеся темные локоны раскинулись по ее плечам. У Рантара перехватило дух – они с Доротеей были похожи на родных сестер.

– А это? Так будет лучше? – Рантар хотел запротестовать, но едва различимый пеньюар уже лежал на полу, давая рассмотреть принцессу во всей красе. Она стояла теперь очень близко, на расстоянии вытянутой руки.

– Хочешь попробовать? – Рука мгновенно метнулась к штанам, и улыбка стала еще шире. – Тебе же нравится, я вижу.

– Нет, – Рантар замотал головой, забыв даже добавить церемониальное окончание, но, к сожалению, оторвать глаз от принцессы не получалось, потому что она схватила его за руку и притянула к себе. Так змея могла смотреть на мышь. Он был готов даже вскрикнуть, если бы это помогло, но так и не смог этого сделать, продолжая таращиться в знакомые глаза. Доротея требовала беспрекословного подчинения. И она хотела, чтобы он подчинялся всей ее семье.

– Я хорошо знаю, когда мужчины хотят меня. Вы такие простые, такие одинаковые. Тебе нравится белый цвет? Мать бы забилась в истерику, если бы увидела, а мне нравится. Все такое снежное, непорочное.

– Могу ли я уйти? – Каждое слово буквально застревало в глотке. Рантар не знал, куда деть взгляд.

– Что за вздор? Мы только начали! Кто будет спокойно смотреть на сладкое, когда родителей нет дома?

Она оттащила его к кровати, и он сам не заметил, как оказался без штанов, глядя на упругую бледную кожу Ванессы, которая легла перед ним на кровать, пригвождая к полу требовательным взглядом. Соблазнительные бедра нетерпеливо качались из стороны в сторону.

– Ну же! Трахни меня, как мою мать! Это приказ!

В голосе зазвучала морозная неумолимость, как и у королевы. Рантар и рад был сопротивляться, но он не имел права перечить приказаниям венценосной семьи. Он хотел зарычать, схватиться за топоры. Разрубить себе проход сквозь стены и сбежать. Но вместо этого бросил тоскливый взгляд на дверь и принялся за дело. Не так, как с Доротеей, отдавшись водовороту чувств, увлекавших в бездну, а чопорно, методично, желая поскорее избавиться от тяжелой ноши. Так молоток мог бы забивать гвозди.

Он попытался представить, что сделал не так, почему оказался здесь и делает это, продолжая двигаться в привычном темпе. Можно было поспорить, что это не может понравит-

ся, но через какое-то время принцесса начала постанывать, потом неожиданно дернулась и затихла.

Рантар ждал, пока его отпустят, полный надежд наконец-то вернуть на место свои штаны. Он готов был выполнить десять поручений вместо последних нескольких минут. В голове шевелились противные мысли: «А что, если Доротея узнает? Нет, не так. Что она сделает, когда узнает?»

Мелкая дрожь пробежала по телу, когда дверь в покои неожиданно отворилась. Он ожидал увидеть яростную королеву с целым отрядом вооруженной свиты, но у входа стоял лишь одинокий принц. Красный, с дергающейся губой.

– Себастьян, уйди немедленно! – закричала принцесса, ничуть, впрочем, не стесняясь своей наготы. Она так и осталась полулежать на кровати.

Принц захлопнул дверь за спиной и приблизился к ней и Рантару, испепеляя его взглядом.

– Проклятый мужлан, как ты меня достал! Сначала ты трахаешь мою мать, а теперь еще и сестру?!

В руках у него возник небольшой кинжал с яркой золотой рукояткой. Рантар не шевельнулся, лишь капля пота скатилась по щеке. Он не мог причинить принцу вреда.

– Это я его позвала, Себастьян. Что за сцена? Право, ты не в себе.

Королевич словно не слышал ее, прожигая Рантара взглядом. Приближаться он не торопился.

– Кажется, я единственный, кто сохранил хоть каплю моз-

ГОВ.

– Осторожней, братец, он может все рассказать маме.

– И об этом тоже? – кивнул Себастьян на мятые простыни. – Ну почему я не родился в нормальной семье? Моя мать спит с каким-то болваном, а сестра – шлюха, орущая на весь замок.

– Ты путаешь меня с мамой.

– Помолчи, дура! Не ты ли путаешься с любым мужиком, на которого упадет твой ненасытный взгляд? Конюхи, воины, ты даже с Усином спуталась, чтобы узнать длину его члена.

Девушка поджала губы, в точности как ее мать, когда злилась, и встала с кровати, впервые накинув на себя одежду. Рантар заметил, что принц проследил за этим действием куда дольше, чем позволяли приличия.

– Я не намерена выслушивать оскорбления от избалованного маменькиного сынка!

– А ты, урод, нравится потешаться над королевской семьей, да? – Себастьян ткнул в сторону Рантара кинжалом. – Втайне глумишься над нами?

– Он-то? Он больше похож на растение, чем на человека, братец, нашел кого винить. Сделай одолжение, убирайся. И его с собой прихвати, – принцесса отошла к трюмо, демонстративно начиная заниматься своей прической.

– Ты все равно заплатишь за нанесенное мне оскорбление, – засопел Себастьян, от узкого лица кровь почти отхлы-

нула, лишь щеки по-детски алели. Рантар продолжал молча следить за ним.

– И как ты объяснишь это матери?

– Никак. Он же растение, а не человек, ты сама сказала, – принц подкинул кинжал, который Рантар поймал в воздухе.

Он рассматривал украшенное оружие, как игрушку, не понимая, к чему это все приведет. Зверь в животе крутился, его начало мутить, и он как никогда захотел проснуться.

– Сколько раз ты топтал мою честь? Сколько раз оскорблял? Мне и вспомнить сложно. Но сегодня последняя капля. Тебе пора преподать урок, да, сестрица? – Голос принца дрожал, словно он начал забывать, как произносить слова.

– Не впутывай меня в это.

– Пусть у тебя останется кое-что на память, чтобы в следующий раз ты дважды подумал, Рантар. Посмотри на себя, кто ты вообще такой? Убожество, цветочный горшок, который я разобью не заметив. Тебе пора вспомнить о своем настоящем месте. Да-а-а. Оставь себе кое-что на память. Отрежь себе палец.

– Не понимаю, Ваше Высочество... – в первый раз подал голос Рантар, вспомнив, что так и не застегнул на себе штанов.

– Отрежь себе палец. Чего непонятного? Так будет каждый раз начиная с этого дня, когда ты будешь наносить мне оскорбление. Начнем с чего-то простого. Мизинец. Отрежь себе мизинец.

Рантар перевел взгляд на кинжал, который резко потяжелел в руках. Хотелось найти какое-то иное решение, но он просто стоял в ступоре. Он не мог послушаться, хотя и очень хотел. Почему он вообще его слушает? Почему всерьез раздумывает над этим бредом?

– Но ведь это неправильно, – сказал он, переводя взгляд на Себастьяна.

– Режь!

– Ты что, Рантар, вправду это сделаешь? – Повернулась Ванесса, наморщив нос. – Умора.

– Это неправильно...

– Если ты не отрежешь себе один палец, я отрежу тебе два. Ну! Живее!

Рантар приложил кинжал к мизинцу на левой руке – той, что он меньше пользовался – прохлада клинка щекотала кожу, а он замер, наблюдая за лезвием. Он не должен был этого делать, не хотел, все внутри кричало против, но крик так и замер где-то в середине груди тяжелым комом, от которого было трудно дышать. У него должен был быть выбор, он был в этом уверен, но его почему-то не было. Надо было сделать все быстро.

Он подошёл к туалетному столику, положил на него руку, обхватил рукой кинжал и с силой надавил, с трудом сдерживая стон. В глазах потемнело. Кровь хлынула на пол, отрезанный палец и кинжал упали под ноги, а Рантар попытался заткнуть рану второй, невредимой рукой.

– Ты сделал это! – На лице Себастьяна показалась мальчишеская улыбка, словно он не ожидал, что это на самом деле произойдет.

– Мне надоело терпеть этот цирк, я ухожу, – Ванесса прошла мимо и скрылась за дверью.

Рантар переминался с ноги на ногу, пытаясь остановить кровь и пульсирующую боль в пальце. Хотя обиду, трепетавшую в глубине его души, сдержать было куда труднее. Внутри него будто образовалась трещина. Она становилась все шире и шире, в нем будто что-то порвалось.

– Уходи. И помни, что я тебе сказал.

Себастьян гордо выпрямился, улыбка на его лице исчезла. Но Рантару не было до этого дела, он надел штаны, запачкав их кровью, и быстро вышел.

Он летел вперед не разбирая дороги и, кажется, с кем-то столкнулся. Все это было не важно. На ходу он схватил какую-то тряпку и обтянул вокруг пальца. Ему хотелось оставить все произошедшее позади, как можно дальше, и никогда к этому не возвращаться, а в особенности никогда не возвращаться в этот страшный замок.

Почти выбежав на улицу, Рантар наткнулся на Усина и кивком головы позвал за собой. Великан знал, что это значит, и молча двинулся следом. Рантар оседлал коня и послал его почти в галоп. Ему хотелось сбежать от чего-то внутри, оставить это далеко позади, но для начала было неплохо покинуть хотя бы замок со всеми его обитателями. Рантар был

готов расплакаться, если бы знал, как это делается. Вместо гнева его сковала печаль. Она потушила пожар, начавший разгораться в груди.

«Это неправильно. Со мной что-то не так», – думал он, задыхаясь от холодного ветра, бившего в лицо. Его не заботило, успевает за ним спутник или нет.

Мир изменился, будто утратив часть своих свойств. Вернее, он стал меньше походить на сон, но от этого растерянность Рантара только усиливалась.

Рантару пришлось остановить коня из-за окрика здоровяка, не поспевавшего за конем.

– Это настолько срочно, что нужно скакать сломя голову? – С трудом перевел дух Усин.

– Да.

– Ох, скажи, что это что-то интересное, что-то достойное, а не очередное задание королевы, в которых почти не бывает ничего приятного.

Рантар пересказал ему сообщение королевы в двух словах, и Усин нахмурился.

– Не люблю я убивать детей. Это скучно. И недостойно, – он вздохнул. – Когда же найдется настоящее дело для меня? Ты же был на собрании, они говорили о великанах?

– Может, и говорили.

– Пусть бы нас туда отправили. На север. Это здорово. Возможно, я бы встретил отца и сразился с ним.

– Зачем? – спросил Рантар и сам удивился своему вопро-

су. Он почти никогда ничего не обсуждал вместе с Усином, лишь поддакивал. Его не интересовала чужая жизнь. Что же изменилось сейчас?

– Как это, зачем? Наш поединок запомнился бы всем. Великан – вот с кем интересно сразиться!

– Я хотел спросить, почему именно он?

– Верну должок. Он изнасиловал мою мать, и та умерла, когда рожала такого увальня, как я, – Усин сжал увесистый кулак. – Потом, когда убью его, конечно, поблагодарю за ту силу, которой он меня наградил. Ты чего? Что у тебя с лицом?

– Да так, – Рантар старался сдержать неожиданное озарение, поразившее его, как вражеская стрела. – Скажи, Усин, а ты слышал от меня рассказы о матери Фило? У него должна была быть мать.

– Нет, ты затыкался каждый раз, когда об этом заходила речь.

– А сын? Я рассказывал, где он родился, как выглядел, что любил?

– Нет. Ты просто вздрагивал, почти как сейчас, и начинал донимать вопросами, где он. Но не рассказывал больше ничего. Какой-то ты сегодня не такой, Рантар. Другой.

– Какой?

– Разговорчивый. Не знаю, я тебя таким раньше не видел. Это не из-за этой штуки, случаем? – Усин кивнул на кровавый платок, и Рантар отодвинул руку.

– Может быть. У меня странное ощущение: будто я просыпаюсь после долгого сна. Будто все это и не со мной случилось.

– Мне знакомо, ага. Ты просто перебрал вчера, вот и все. Голова тяжелая, да?

– Что-то вроде... Я словно должен вспомнить что-то очень важное. Но никак не могу.

– Например, куда нам идти за этим бароном? Никогда не был в этих местах.

– Спросим у людей.

– Бери пример с меня, Рантар. Я не забиваю себе голову всякой чепухой. Только пузо пивом, – Усин похлопал себя по грузному пузырю. – Если ты чего-то не помнишь, значит, это не важно.

Рантар не готов был с ним согласиться. Трещина внутри могла дать ответ. Ему было лишь необходимо расширить ее еще больше. И увидеть, что находится по ту сторону. Сын? Жена? Ответы на вопросы, которых он еще не знал. Но что-то звало его, как тихий шепот: неумолимо, уверенно – так что он понял: другого выбора нет.

Больше с Усином он не говорил, хотя великан и не затыкался, по своему обыкновению, ни на секунду. Вскоре им повстречались люди, которые смогли объяснить, куда надо двигаться. Рантар копался в себе, бросаясь на невидимую стену, в которой хотел пробить брешь, но пока его попытки оставались без успеха. Мысленно он возвращался к утру. Он мог

отказать Ванессе, а позже и Себастьяну. Сбежать, в конце концов. Но вместо этого Рантар просто стоял, как каменное изваяние, будто у него не было собственной воли. А он знал, что она у него есть. То есть должна быть.

Он заметил, что мир с каждым мгновением становился все более конкретным, подробным, а не размытым фоном. Каждая ветка, каждый куст, даже измазанные в грязи камни словно спешили поделиться с ним своей историей. Или рассказать о его собственной. Теперь Рантар мог давать названия всему, что отчетливо видит, точнее вспомнить их, доставая из памяти, как старые вещи из сундука. Телега, веревка, сбруя. Когда пришел вечер, он поразился красоте заката с его розовыми всполохами, похожими на языки пламени в вечернем костре. Мир становился интереснее и живее на глазах.

Путь занял больше времени, чем они рассчитывали. В сгущающихся сумерках они выехали к высокому холму, который, будто шапка, окружал широкий дом. Это не был замок, скорее, вилла в духе южан: никаких высоких стен, а только открытые террасы. Вряд ли их ждало серьезное сопротивление, и все же Рантар ощутил укол беспокойства.

Когда они оказались у самых ворот, заголосил Усин. Его наверняка слышали все жители дома.

– Именем королевы-матери, откройте!

Рантар заметил, что у него слегка подрагивают руки, и положил их на холодную сталь топоров. Сердце начало биться

быстрее, сейчас он уже не ощущал безразличия, как вчерашним днем у барона Сторкиса.

Им поспешили открыть ворота, давая разглядеть несколько слуг, которые могли бы постоять за себя. Взрослые, крепкие мужчины оглядывали их хмурыми взглядами.

– Вас ожидают, пройдемте за нами.

Усин довольно шмыгнул носом и как бы между делом закинул на плечо свой здоровенный молот. Рантар наблюдал за слугами и теми, кто мог скрыться за углами графского поместья. Дом был куда проще, чем замок барона Сторкиса, и все же казался элегантнее в своей легкой красоте. В этих краях таких мест было мало. Даже выбор белого мрамора для стен казался необычным.

Их сопроводили в одну из террас, где ждала пара мужчин в дорогих камзолах и служанка, замершая на месте при виде Усина. Мужчины в камзолах выглядели так же хмуро, как и слуги. Один из них был довольно старым, с седой бородой, постриженной клином. При виде Рантара он замер и не сводил с него взгляда. Старик с бородой клином казался смутно знакомым. Второй заурядный мужчина в цветастом черно-бордовом камзоле нервно улыбнулся и обратился к ним:

– Добро пожаловать, уважаемые герои. Я барон Савлец, хозяин дома. А это граф Маров. Чем обязаны такой чести?

– Мы по поручению королевы-матери, да продлится многократно ее правление, – прочистил горло Усин, не обращая внимания на то, что слуги не торопились уходить, оставшись

за их спинами.

– И в чем состоит это, эм, поручение?

– Скоро узнаете. А где остальные домочадцы?

– Уже поздно, они спят.

– Позови семью. Всех. Такова воля королевы-матери.

Слабая улыбка будто примерзла к лицу Савлеца. А седой граф не сводил пристального взгляда с Рантара.

– Не понимаю, какое отношение моя семья имеет к разговору?

– Я же сказал – это воля королевы, – Усин с глухим стуком опустил молот на пол, и барон слегка вздрогнул.

– Хорошо. Ластва, позови мою жену.

– И сына.

– Да, и сына тоже. Поскорее.

Девушка была явно рада сбежать – с такой скоростью она пронеслась мимо Рантара.

– Можем ли мы узнать, какие новости вас интересуют? И почему королева-мать послала для этого двух героев? – граф Маров подал голос, по-прежнему не сводя глаз с Рантара.

Возможно, впервые за долгое время Рантар отдавал себе отчет в том, что делает. Таких разговоров было уже много, но раньше они ничего для него не значили. Теперь он понимал – королева ждет, что при необходимости он убьет сына барона, а заодно и всех, кто был здесь.

– Ей нужна информация о Семере, – пожал плечами Рантар, отвечая не менее пристальным и холодным взглядом.

– Семер? Но мы ничего не знаем про Семера. Его разве не убили в битве пару недель назад?

– Нет, он сбежал. Снова. А вы, как говорят, его хорошо знали.

– Я? – Савлец начал наливаясь краской, как спелый томат. – Уверяю вас, нет! Я хотел сказать, мы были с ним знакомы в молодости, но с тех пор прошло так много времени... Последний раз я видел его лет пятнадцать назад. Еще до войны.

– Королева-мать считает иначе.

– Но... но я ничего не могу про него рассказать.

– А вот и семья, – протянул Усин при виде полноватой женщины и ребенка, которому было лет десять. Толстые щеки выдавали в нем сладкоежку. У него были такие же кучерявые волосы, как и у отца.

«Фило выглядел иначе», – подумал Рантар, удивившись тому, что помнит, как выглядит его сын. Образ Фило стоял буквально перед ним. Он был чуть выше сына барона, худее, с короткой стрижкой и с живым взглядом, полным любопытства. А этот мальчик выглядел напуганным.

– Может, теперь ты что-то вспомнишь, барон? Эй парень, подойди сюда. Подойди, я сказал!

Женщина впилась в плечо мальчика мертвенно-бледными пальцами и направила умоляющий взгляд на мужа. Сколько раз Рантару приходилось видеть эту картину? Сейчас мальчик подойдет к Усину, и тот схватит его за голову,

как орех. Великан задаст свой вопрос еще пару раз, сжимая мальчишку все сильнее, пока его голова просто не лопнет под могучими пальцами героя.

– Прошу вас, мой сын ни при чем! Он ничего не знает!

– Вот и поглядим. Больше я просить не буду. Иди сюда, пацан!

– Вы собираетесь сделать то же самое, что и со Сторки-сом? – синие глаза Марова будто могли смотреть сквозь кожу Рантара. В этом взгляде не было страха, в отличие от остальных. Граф тоже понимал, что произойдет дальше, но почему-то обращался к Рантару. Почему?

– Дальше я сам, Усин, – услышал Рантар собственной голос. Кустистые брови здоровяка поползли вверх.

– Не понял.

– Дай нам пообщаться наедине. Я позову тебя, если что. Подожди меня во дворе.

– Как скажешь, – пожал плечами гигант, ему не доставляли радости такие встречи. – Я буду рядом.

Он не стал поднимать молот, и тот с неприятным звуком потащился за ним по полу. Савлец скривился, продолжая глядеть на жену. Рантар ждать не стал, он быстро подошел к женщине и буквально выдернул из ее клешней мальчика, взяв того за шею.

– Теперь моя очередь задавать вопросы.

– Нет!

– Марта, стой, где стоишь! – предупредил барон, вытянув

руку вперед. – Умоляю, отпустите моего сына, я вам все расскажу. Все, что знаю! Но только не про Семера. Я не видел его уже сотню лет! Клянусь богами!

– Боги тебя не услышат, – Рантар чуть сильнее сжал шею ребенка – так, что тот пискнул. Фило бы постарался высвободиться. Попытался ударить. – Я думаю, что вы знаете куда больше, чем пытаетесь изобразить. Например, ты.

Он кивнул на графа Марова. Тот стиснул губы и сказал:

– Теперь ты служишь королеве, так? Ну что, нравится убивать детей ради нее? Устраивать террор среди своего народа?

– Я же сказал – спрашивать буду я. А ну стой! – прикрикнул Рантар на слугу, который потянулся за пояс. – Мне не составит труда убить вас всех. Мне даже Усина звать не придется. И начну я с мальчика.

– Заклинаю вас всеми безымянными богами, не приближайтесь к нему! – взмолился барон. Его пышная жена еле стояла на ногах.

– Вопрос первый, – Рантар сделал глубокий вдох, отнявший целую вечность. – Вы знаете моего сына, Фило?

– Нет! – вытаращил глаза кучерявый барон.

– Неверный ответ, – Рантар оттащил ребенка к балкону под крики и плач женщины. От слез широкое лицо мальчика расплылось еще сильнее. Рантар взглянул вниз: падать было высоко, зато они поймут, что он говорит серьезно. Он устал от этих загадок, устал, что ничего не может понять. – Еще один ответ, который мне не понравится, и я сброшу

мальчишку со стены. Итак, вы знаете моего сына?

– Я знаю, – сказал седобородый Маров, продолжая смотреть ему прямо в глаза.

– Где он?

– Спроси у своей королевы.

– Я спросил, где он? – Он поставил мальчика на парапет. Тот не сопротивлялся, только поскуливал, как щенок. Даже не говорил. Хотя в этих обстоятельствах так было лучше.

– А я ответил. Она забрала твоего мальчика. Готов поспорить, она уверяет тебя, что вернет его. Что он потерялся или что-то вроде того. Но он у нее. Могла и убить, конечно, но, думаю, оставила его в живых. Это ведь такая хорошая возможность держать тебя в узде, правда?

Дышать становилось все труднее, но вопросы нужно было задать.

– Вопрос второй. Где его мать?

– Что с тобой? Ты, конечно, изменился, но не настолько же...

– Где она?!

– Селина умерла. Твоему сыну и года не было.

«Селина», – тупо повторил Рантар про себя. Так вот откуда такая пустота. От жены не осталось и следа, будто никогда не существовало. Он даже забыл ее имя. Хотя был готов поспорить, что помнил ее смех и улыбку. И разливающееся от них тепло. Трещина внутри стала еще шире, и этот разрыв вызывал почти физическую боль.

– Вопрос третий, – осторожно начал говорить Рантар, будто любое давление могло разбить мир, как хрупкое стекло. – Кто такой Антар?

Лицо седовласого графа изменилось, будто его ударили под дых. Он открыл рот, но молчал преступно долго.

– Это твое имя.

– Нет. Не может быть, – перед глазами все поплыло, мир начал таять, и Рантару пришлось встряхнуть головой, чтобы отогнать наваждение. – Меня зовут Рантар.

– Такое имя дала тебе королева. Очередная из ее издевок. Она извращает все, к чему прикасается. Ты сам мне это говорил.

Вереница картинок стала проноситься перед глазами Рантара, но от них так кружилась голова, что он мотнул ей, прогоняя образы, как несносных мух. Голова начала пульсировать, готовая взорваться, и одной рукой ему пришлось коснуться ее, чтобы проверить, не появилась ли там трещина. А пустота внутри все росла, расщелина разрывалась все сильнее, и из нее хлынул свет. Только вот ему теперь совсем не хотелось видеть то, что ожидало его с обратной стороны, потому что знал – будет больно.

Все его естество восстало. Королева любила его, превозносила его, доверяла ему, и все же внутренний голос, кричавший «ведьма», становился все громче. Но это было невозможно. Ведь он, ведь он...

– Антар, отпусти ребенка, и мы сможем спокойно погово-

ритель.

– Нет, Доротея... она не могла так поступить. Лжецы! Вы играете со мной! Это неправда!

– Ты знаешь лучше нас. Давай поговорим.

– Отпустите моего ребенка, прошу!

– Нет, нет, это не так, – Рантар тяжело дышал, как после долгого бега, мир вокруг темнел, но не потому, что сгустилась ночь.

Образы прошлого стали предельно конкретными, свет из трещины хлынул нескончаемым потоком, а в груди что-то с болью сжалось.

– Антар, не делай этого.

Мальчик. Рантар сбросил его со стены. Сам. Сбросил Фило, своего сына. Он все вспомнил.

Глава 4

Лучший друг

Бежать. Быстрее. Еще. Взмах ногой. Второй. Третий. Бежать. Не останавливаться.

Мир превратился в котелок, в котором очень быстро мешали похлебку. Еще немного – и он сам бы стал похлебкой для кого-то. Нужно было бежать, чтобы этого не случилось.

Каждый вздох обжигал так, будто Имва решил глотнуть огненной воды. Или проглотил солнце. Еще чуть-чуть – и в груди останется дыра. Но надо было бежать. Быстро. Иначе ему конец.

Боль в боку, резкая, как удар, заставила согнуться. С губ закапала слюна, смешанная с потом, а грудь ходила ходуном.

Имва взглянул на отчетливые следы, остававшиеся за ним на грязи, и выпустил лишь глубокий вздох из груди. Погода решила свести с ним свои счета! Как невовремя! Дома такого бы никогда не случилось.

Смотреть туда, откуда прибежал, не хотелось. Простой взгляд мог предать и показать толпу людей, несущихся за ним. Они расселись на своих высоких ездовых зверей и пустили за ним псов. Псы были хуже всего. Они лаяли, скалились и не сбивались со следа. Ох, как было бы здорово сейчас просто лечь и заснуть. И чтобы оказалось, что это лишь

глупый кошмар! Земля звала Имву, обещая укутать не хуже шерстяного одеяла. «Плохая земля! Плохая! Холодная, жестокая, ты меня не обманешь!»

Нужно было бежать быстрее, скорее, но силы не прибавлялись. Остались в паре лиг к югу. Ему захотелось плакать или зарычать, ударяя руками в дерево, пока из кулаков не пойдет кровь. «Ну почему это должно было произойти именно со мной? Почему это всегда происходит только со мной?»

Он взглянул на свои волосатые руки, сжатые в кулаки. Если сейчас сдаться, то все будет напрасно. Ему нужна помощь, и он ее получит. Но сначала нужно было сбежать и найти друга. Он был рядом, это точно. Места выглядели знакомо, а хранители говорили, что Имва на верном пути. Старые, мудрые деревья, они никогда не лгали. Они остались его последними друзьями. Кроме Навнáта. Его надо найти. И скорее. С Навнатом будет проще, вдвоем они смогут уйти далеко и выполнить то, что собирались.

Найдя в себе последние крупички сил, Имва бросился вперед, полагаясь на деревья. Он надеялся, что сможет уйти от людей достаточно далеко. «Их шестеро, а я один, и собаки еще. Глупые, паршивые псы. Ненавижу собак!»

Грязь вгрызалась в ноги мертвой хваткой, и каждый раз приходилось с боем вырывать их обратно из её пасти. Холод, пробирающий до костей, давно преследовал его. Недавняя мерзлая земля превратилась в жижу. С каждым шагом грязи становилось все больше, а Имва становился слабее, сопро-

тивляясь все отчаяннее, но чувствуя, как силы покидают его. Заметив тропу, щедро усыпанную жухлой листвой, он победил на нее. Может, на тропе и скользко, но так он не оставит следов на грязи.

Где-то позади послышался лай. Немного было похоже на песню, только дурацкую. Так никто бы, конечно, петь не стал. А потом Имва догадался, что так может звучать его похоронная песнь, и принялся продираться сквозь кусты, барахтаясь, как глупая муха в паутине. Под ногой оказался корень, и он, споткнувшись, упал в слякоть лицом. Мерзлая земля не замедлила больно укусить. Но собаки укусят, наверняка, сильнее. Он перевернулся на спину, тяжело дыша, и рассматривал голые ветви, которые, как пальцы мертвеца, обхватывали небо.

«И вы против меня, хранители, – тоскливо подумал он. – Наверное, я заслужил ваш гнев».

Лай становился все ближе и все меньше походил на песнь. Скорее, на мерзкие выкрики жадных голодных тварей. Имва проверил мешочек с травами, которыми он отпугивал нюх псов, но мешочек был уже пуст. Неудивительно: мир отвернулся от него, отверг за его проступки. Тогда Имва коснулся кулона, тот всегда помогал справиться со страхом.

«Как жаль, что Навната нет рядом! С ним было бы проще».

Лай становился нестерпимо громким, а там, где были собаки, рядом должны были быть и люди. Имва медленно под-

нялся, с грустью рассматривая свои следы. Если бы он мог перескакивать с дерева на дерево, все было куда проще, вот только ветви были слабыми, как и мир вокруг, да и деревья стояли слишком далеко друг от друга. Среди ветвей показались прыгающие точки, похожие на блох.

«Я не могу сдаться, только не сейчас!»

Когда звери были уже совсем близко, Имва вспомнил, чему его учили. Расставив ноги пошире и слегка пригнувшись к земле, он оголил клыки и зарычал, вкладывая в рык всю свою боль и гнев на мир, ополчившийся на него так несправедливо. Хвост резко ударил по земле. Псы замерли, округляя свои глупые глаза, заскулили и бросились прочь. Туда, откуда пришли.

Он улыбнулся, не веря в удачу. За долгие дни, если даже не годы, это было что-то напоминающее настоящую победу. А то он уже воображал зубы диких тварей, вгрызающихся в свое тело. Возможно, Корни судьбы давали ему второй шанс. Или это хранители решили проявить свою милость. Он поклонился деревьям самым почтительным образом, на который был сейчас способен, и побежал дальше.

Псы вернутся, как и люди. И к этому времени Имва должен быть далеко. Но сначала нужно было спасти Навната. Хранители указывали путь, видно, сжалившись над молодым глупцом, и привели его прямо к нужному селению. Все людские деревни были похожи друг на друга, но эту он узнал сразу по рыболовной сети, развешанной возле дома у ре-

ки. Здесь он расстался с Навнатом, и теперь ему нужно было исправить ошибку. Идти дальше без лучшего друга было бы страшным преступлением. К тому же тот был незаменимым помощником, без него весь план оказался бы обречен на провал.

Пригнувшись, Имва глядел на дурацкие дома-коробки и принимался. Запах оттуда шел приятный, в животе заурчало, но Имва заставил себя думать о другом. Хвост заходил из стороны в сторону. Можно было подождать, пока стемнеет – так было меньше шансов, что его заметят, – и вот тогда – улизнуть с Навнатом обратно в лес. Но стук зубов и волны холода, которые прокатывались по телу, говорили о том, каким глупым был этот план. Да и где-то позади вот-вот могли показаться преследователи. Босые ноги Имвы перестали чувствовать холод, и это тоже заставляло хвост сильнее держаться. Нельзя было терять времени.

Грудь саднило так, будто кто-то провел крюком по внутренностям, но Имва заставил себя думать о главном. Если позволить себе расслабиться, можно остаться в грязи навсегда. Можно ли представить что-то более противное?

Идти здесь было чуть проще, и Имва неся во весь дух стремительной тенью, которую нельзя было разглядеть в сумерках. Он был воздухом, проносящимся везде и не оставляющим следа. Перышком, на которое никто не обращает внимания. Хвост недовольно ударил по жухлой траве.

В каком из домов был его друг? Имва в точности не знал, в

каком искать Навната, лишь надеялся, что тут нет собак, которые его учуют. Людей снаружи было не так много, поэтому он передвигался между жилищами незаметно. Проблема была в том, чтобы обнаружить Навната не выдавая себя.

«Не проделал же я весь путь зря?»

– Навнат, – тихонько позвал он. – Навнат!

Где-то невдалеке отозвался голос, и он пустился туда не разбирая дороги. Глупые куры разбежались в разные стороны, не переставая квохтать. Вот поэтому на куриц полагаться нельзя. Нет в них ни ума, ни достоинства, лишь бы болтать.

– Навнат, ты здесь?

Когда Имва услышал знакомое приветствие, все внутри засияло, как в самый прекрасный из дней. Спасен!

«Хранители все-таки на моей стороне».

– Навнат! Друг!

Петух осторожно сделал пару шагов вперед, внимательно его разглядывая, недоверчиво двигая клювом. Перья горели белизной на фоне мрачной округи, а гребень алел сильнее прежнего.

– Ну, будет тебе! Это получилось случайно. Идем скорее!

Петух не торопился, поглядывая по сторонам с укоризной.

– Навнат! Не веди себя, как жалкая курица! Пойдем, пока нас не застукали. Обещаю, я больше тебя не брошу! Тебе не придется сидеть в этих коробках.

Петух прищурился и сделал пару шагов вперед, давая за-

брать себя. Аккуратно, как самую ценную драгоценность, Имва поднял его и прижал к груди. Пора было уходить. Чувствуя в своих руках знакомые перья, он наконец-то почувствовал покой, радость. На мгновение стало теплее.

– Пойдем, друг, нам пора стать героями.

Глава 5

Черный тюльпан

– Он точно ничего не заподозрил?

– Усин не отличается сообразительностью, – ответил Рантар. – Когда он вернется в замок, пройдет ночь, еще день им понадобится, чтобы добраться сюда. И то, если королева будет на месте. Времени на разговор более чем достаточно.

«Королева», – слово отдалось во рту непривычной горечью, будто на зубах разом заскрипели все годы дурмана.

Барон то вставал, то садился, теребя угол одеяния, и смотрел так, будто ожидал, что из дверей покажется старый гость-великан. Его жена и сын замерли рядом.

– Вы сидите здесь как ни в чем не бывало, а что делать нам?

– Бежать, – пожал Рантар плечами. – И чем скорее, тем лучше. Советую исчезнуть где-нибудь в другой стране и прихватить с собой только самое необходимое. Слуг тоже отправьте подальше. Королева решила взяться за вас, а у нее хватка, как у бойцовской собаки.

Барон сглотнул, встал, потом сел. Снова встал. Ни сказав ни слова, заторопился, причитая себе под нос.

– Святые имена, и почему я потащился в эту страшную страну из уютного Монфора!

Так вот оно что – Монфор. Рантар понял, почему этот дом показался ему таким чужеродным, как прыщ на лице хорошенькой девушки. Барон все-таки приехал с юга, из герцогства. Выходит, память Рантара сохранила больше, чем ему казалось. Приятное открытие. Впрочем, барон не интересовал Рантара. Ему нужен был граф, седое лицо которого становилось все более знакомым. Положив перед собой один из топоров, Рантар взглянул в голубые глаза графа.

– Теперь можно и поговорить.

– Для разговоров есть свое время и место. Мне кажется, нам стоило бы последовать за нашим другом, – ответил граф.

– У меня нет на это времени, я и так оставил слишком много лет позади. Теперь для меня существует лишь этот самый момент. Больше у меня ничего не осталось. Она забрала все.

Он поворочал во рту сухим языком, находя в себе силы спросить:

– Как долго?

Граф понятиливо кивнул и откинулся на спинку кресла, вытащив трубку:

– Десять лет.

Рантар кивнул, словно ожидал услышать именно это, хотя ему даже про себя было страшно произнести эту фразу. Десяток лет во сне, в бреду. Десять лет чужой жизни. Фило, должно быть, уже двадцать...

– Ты совсем ничего не помнил? – спросил граф.

– Озарения находили на меня редко. А потом они тонули в этом болоте, – Рантар разглядывал окровавленный платок, висевший на кисти – там, где недавно еще был мизинец. – В голове до сих пор неразбериха. Не могу понять, где моя жизнь, а где бред. Я будто смотрю на все, что было прежде, сквозь темное стекло.

– Тогда спрашивай. Не хотелось бы уйти, получив топор промеж лопаток.

– Я помню, что сбросил своего сына с крепостной стены, – он запнулся, вспомнив, как Фило взглянул на него. Как на лице возник немой вопрос. А еще ужас. – Я кинул его в стог сена.

– Это было как раз десять лет назад, – кивнул седобородый. – Оборона Терента. Поражение в войне.

– Мне хотелось спасти его... от чего?

– Правильнее – от кого? – граф выдохнул кольцо дыма и поморщился. – От нее. Меня там не было, но я слышал рассказы о страшной резне в Теренте. Уж кого-кого, а тебя королева-мать должна была убить.

Рантар молча слушал. Все, что он помнил, – страшный жар на своей коже и крики людей, чувствовавших, как их плоть отделяется от тела.

– Ты командовал обороной. Все думали, что ты умер. Сначала. А потом поползли истории.

– Какие?

– Что ты жив. И что служишь ей. Никто бы в своем уме не

поверил, хотя пара достойных людей уверяли меня, что видели тебя собственными глазами. А потом и не только они. Вся Истрия уже через год гудела о том, что ее герой ополчился на собственный народ. Скажу честно – проще было привыкнуть к мысли, что ты умер.

– Только часть меня.

«Важная часть».

– Мне сказали, что, когда положение стало совсем безвыходным, ты сбросил мальчика. Решили, что это жест отчаяния. Никто не удивился такому исходу. Лучше так, чем ей в лапы... Я сразу догадался о том, что двигало тобой на самом деле. Точнее, хотел в это верить. Война заставляет плохих людей делать ужасные вещи, а хороших – вещи ненамного лучше.

– Почему тогда ты так уверен, что мальчик попал к ней, а не... умер?

– Сам-то как думаешь, он жив?

Рантар прикрыл глаза, вспоминая, как бросает сына, как округлились его глаза. Он бросил его точно в стог, и мальчик упал на сено.

– Фило мог сбежать. Или его могли убить.

– Я видел эту женщину пару раз. Королева-мать – жестокий деспот, но лучше убийства людей она умеет только людей использовать. Если у нее был шанс забрать твоего сына, то она им воспользовалась. То, что ты жив, косвенно доказывает, что он может быть в ее руках. Она ведь наверняка

думала о том, что может произойти, если ты прозреешь. Ей нужен был рычаг давления. То, что не позволит тебе выступить против нее. Я уверен, что это твой сын.

– Забавно. Единственная моя надежда на избавление строится на человеческой наживе и жестокости.

– Единственное, в чем можно быть уверенным в этой жизни, – это дурные намерения людей, – граф развевал рукой серый дым и, опустив трубку, взглянул на него. – Ты точно не помнишь, как это случилось с тобой?

– Думаешь, скрываю? Или тебе кажется, что я мог бы слушать ей после всего... что случилось? После того, во что она превратила нашу страну? Всех нас?

В голове до сих пор не могли уместиться эти два образа – прекрасной женщины и жуткого тирана. Они спорили, кричали друг на друга, но ни одна не желала сдаваться. Голова пульсировала и не давала как следует сосредоточиться.

– За годы с Истрией случилось очень многое, – сказал граф. – И с людьми тоже.

– Люди не меняются.

– Это меня и беспокоит. Я бы не поверил ни единому твоему слову, если бы час назад не видел, как ты себя ведешь. Что ты собираешься делать? Очередную глупость?

– А что я могу? Вернусь и вырежу ее черное сердце. Но прежде узнаю, где мой сын.

– Ты не смог этого сделать, когда командовал войсками, почему сможешь сделать это сейчас, когда пробыл ее рабом

десяток лет?

Рантар хотел ответить, но открыл рот и ни одно слово так и не сорвалось с языка. Молча он рассматривал топор, поглаживая его, словно женщину. Так он мог бы водить по бедрам Доротеи. Рантар вздрогнул, как от удара ножа под ребра.

– Я должен вернуть сына. Это все, что осталось от моей жизни. Что, не веришь?

– Верю, что ты веришь в это, – граф покрутил пуговицу на своем камзоле и положил трубку. – Появись ты лет пять назад, я сказал бы, что это шанс. Что все будут счастливы, если черный тюльпан на твоей стороне.

Черный тюльпан. Когда-то это значило очень многое. И не только для Рантара. Но те времена давно прошли. А он даже не заметил. Вкус горечи во рту стал только сильнее, будто он решил проглотить жабу. Он бы с радостью выпил вина, если бы оно тут стояло. В глубине души хотелось верить, что это очередной сон.

Где-то рядом затопали ноги и послышалась пара окриков, а потом все затихло так же, как и началось. Люди бежали. Они могли убежать, но для Рантара это было роскошью. В груди клокотал гнев, желавший врываться струей обжигающего пламени. Такого, как в Теренте, только чтобы на этот раз пылали его враги. Рантар жаждал действовать.

– А теперь? Что изменилось за эти пять лет? – спросил Рантар.

– Я поумнел. Потери, они, знаешь ли, заставляют о мно-

гом задуматься. Например, о том, *что еще* ты можешь потерять. И что после этого останется от тебя самого.

– Говоришь, как старик.

– Я и есть старик. И я старик, переживший слишком многое. Одно я знаю точно – к королеве тебе возвращаться нельзя. Без обид, но ты похож на ребенка, оторвавшегося от материнской юбки.

Рантар скривился, но пришлось признать, что определенное сходство все же было. Даже сейчас, вспомнив свою прежнюю жизнь и увидев обман, он не мог перестать думать о ней. О взгляде. Прикосновении. Доротея улыбалась ему, запуская пальцы в волосы. Он даже продолжал думать о себе как о Рантаре: Антар будто растворился в прошлом. Передернув плечами, он спросил:

– И что ты предлагаешь? Чтобы я сидел и трепался? После стольких лет?

– Их ты все равно уже не вернешь.

– А я не собираюсь их возвращать. Мне нужно вернуть сына.

Граф сбросил со штанины пару воображаемых пылинок и посмотрел на него долгим взглядом.

– Антар, – при звуках прежнего имени он скривился. Это было имя из давно минувших времен, из жизни другого человека. – Ты уверен, что тебе понравится то, что ты можешь найти? Если она сделала такое с тобой, то неужели ты думаешь, что с твоим сыном могло случиться что-то иное?

– Не важно. Если я смог освободиться, то и он сможет. Я не позволю разрушить жизнь сына. Она и так забрала все, что у меня было. Сына я ей не отдам.

Плотно сжав губы, Рантар следил за морщинистым лицом. Когда-то они хорошо знали друг друга, но это было слишком давно. В другой жизни. В другом мире. Сейчас Рантару нужна была помощь, а не сожаления или наставления. Рантар удивлялся, как еще сидит и разглагольствует. Нужно было бежать, рубить, кромсать. Действовать. На секунду он усомнился в том, чья это мысль, – Антара или Рантара? И есть ли между ними разница? Холодок, пробежавший между лопатками, ответил, что Рантар не знает ответа на свои вопросы, и это слегка остудило его пыл. Но не решимость.

– Ты можешь как-то помочь? Знаешь, где Семер?

– Даже если бы знал – не сказал бы. Имя Семера – все, что осталось от нашей страны. Три восстания за восемь лет. Безуспешные, конечно, но это не важно. Они напоминают нам о прошлом, о нашей подлинной жизни и о том, что у нас было какое-то «до». Когда мы привыкнем к тому, что имеем, мы проиграем. Люди должны помнить.

– Я помню Семера. Он хитер и настойчив, но не тот, кто может выиграть войну.

– Война! Война проиграна десять лет назад. То, что делает Семер, возможно, важнее. Он призрак прошлого.

– Один я не справлюсь, – с трудом смог признаться вслух Рантар. Мысли об армии королевы и группе героев не давали

покою, покаяывая череп. – Семер всегда на два шага впереди них. Я знаю, как они бесятся из-за него. Он должен многое знать. Или хотя бы понимать, к кому можно обратиться. Так я смогу добраться до сына. Ты точно не знаешь, как его можно найти?

Лицо графа застыло, как маска, лишь голубые глаза исследовали лицо Рантара, как карту, в поисках неизвестного ответа. Граф тяжело вздохнул, взглянув на дверь.

– Где он, мне не известно. И это к лучшему. Но я знаю того, кто может тебе помочь.

– Я слушаю.

– В трех днях пути отсюда лежит маленький городок – Товшейн. Место паршивое, окруженное болотами, но вот в церквушке там проповедует Николай, давний приближенный Семера. Про него почти никто не знает. Если кто-то сможет сказать, как Семера найти, то это он.

Граф поднялся, окидывая опустевший зал баронского поместья грустным взглядом.

– Хорошее было место. Надеюсь, ты узнал все, что хотел? Не хочу задерживаться. Меня видели слуги и крестьяне в полях, когда я приехал. Думаю, мне надо будет исчезнуть, как барону. И больше не появляться в этих краях.

– Спасибо, Маров. Иногда увидеть лицо старого друга – уже радость.

– Удачи в поисках, Антар. Должно же остаться в Истрии хоть что-то хорошее, – он хотел сказать еще что-то, каблуки

скрипнули по гладкому полу, когда граф замер, но слова так и не зазвучали. Он просто кивнул и быстрым шагом вышел прочь.

Рантар сидел, разглядывая свои топоры. Те самые, на которых он присягал на верность, те самые, какими он воевал против королевы и всей Севарии. И эти же топоры с вырезанным на них тюльпанами он использовал, чтобы убивать ее врагов – своих бывших друзей и союзников. Топоры жгли руки. Хотелось отшвырнуть их в дальний угол, будто они стали источником страшной заразы, но вместо этого Рантар лишь сильнее сжал их. Прощаться с оружием было слишком рано.

Воспоминания ломились в голову, как незваные гости, а Рантар не знал, как может прикрыть эту дверь. Их напор был слишком силен. Еще хуже было то, что он будто следил за чужой жизнью как за простым представлением. А ведь это была его жизнь. Его страна. Его сын. Трещина, что разверзлась в груди, оставила после себя лишь пустоту, которую никак не удавалось заполнить.

Голова болела и хотелось сделать глоток свежего воздуха, выйдя на террасу. Черное небо покрылось россыпью звезд, мерцавших в утешении. Даже свет двух лун не мог скрыть их ободряющей ряби.

– Так, значит, черный тюльпан вернулся.

Рантар достал оружие меньше чем за долю мгновения. Перед ним стоял все тот же человек, что и давеча встретил его на втором этаже таверны. Кучерявые волосы, узкое ли-

цо. Наряд его сменился на мрачный элегантный костюм. Он был так похож на Себастьяна, и все же это был не он. Взрослое лицо и глубокий взгляд давали понять, что этот человек старше. По телу пробежали мурашки.

– Эстебан. Как ты здесь оказался?

– Где твои манеры? Где «Ваше Величество»? Ладно, я рад видеть, что память тебя больше не подводит, Антар, – молодой человек улыбнулся, но от него все равно повеяло холодом. На вопрос он не ответил.

От звука собственного имени Рантар вздрогнул, словно получил удар плетью. Будто был против, чтобы его так звали. Он носил имя Рантара слишком долго. Что вообще осталось в нем от Антара?

– Тебе говорили, что подслушивать нехорошо? – спросил Рантар.

– Только если тебя кто-то поймает.

– Опять пришел? Зачем обращаешься ко мне после стольких лет?

– Я думал, ты обрадуешься. Твоя жизнь потихоньку возвращается вместе с памятью. Помнишь мой совет? Найди имя. Теперь у тебя есть возможность отомстить за то, что они сделали с нашей страной.

– С моей страной, – поправил Антар, оставляя один топор в руке. Людей поблизости больше не было, но он не соби-
рался попасть врасплох.

Лицо Эстебана вытянулось, и он хмыкнул.

– Истрия – наша страна. Ты же воевал за меня, забыл?

– Не за тебя, а против твоей матери.

– Такая мелочность тебе не к лицу, ты же не лавочник какой, а поэт!

– Я – убийца, – тихо сказал Рантар, рассматривая в свете звезд выгравированный на металле цветок, подаривший ему столько разочарований. Смерти, которые он принес своим соотечественникам, заполнили все перед глазами.

– Убийца с душой поэта. Пусть будет так, – Эстебан облокотился о перила балкона и сделал вид, что любитесь звездами.

– Ты так и не ответил, что тебе нужно.

– А что, куда-то торопишься? Увидеться с Семером?

– Говори нормально, Эстебан. Ты больше не король, а я не твой защитник. Я сыт вашей семейкой по горло, и если тебе есть что сказать – говори.

– Узнаю черного тюльпана. Знаешь, я рад. Видела бы тебя сейчас моя Элен, то была бы рада не меньше. О деле так о деле. Нет, я не знаю, где Семер. Меня бы тут не было, если бы знал.

– Ага. Так, значит, все это ты делаешь, чтобы я просто помог тебе его найти?

– Нет, все это я делаю, чтобы вернуть то, что мое по праву, – лицо Эстебана стало жестким, как камень. Тонкие губы сжались так, что их было почти не видно. – Страна в руках моей матери или брата, как священные тексты в руках шлю-

хи, – не то, что нужно людям. Ты сможешь вернуть прежний порядок, а я помогу тебе вернуть сына. И все в выигрыше.

Рантар покрутил в руках топор, следя за тем, как переливается в лунном свете металл. Он не привык полагаться на других, но сейчас пригодилась бы любая помощь. Даже такого человека, как Эстебан.

– Почему сейчас? Ты мог обратиться ко мне куда раньше. Попытаться вырвать из когтей своей семейки.

– У меня были проблемы посерьезнее. Думаешь, после всего, что случилось, они бы просто приняли меня обратно? Она бы приняла? Тем более до поры я не знал, что именно и как она с тобой сотворила. Мне пришлось потратить много времени, чтобы узнать, но оно того стоило. Все, что нужно было дальше, – лишь выбрать правильный момент. Ты ведь знаешь: выбрать момент – половина успеха. Так всегда говорила Элен.

Слушая рассуждения принца, Рантар поморщился – как от гнилостного запаха, как если бы каждое слово скрывало за собой яд. Он знал: если потребуется, Эстебан использует его. Тому не было никакого дела до Фило. Или до кого-то, кроме себя. Короли – не те, кого стоит слушать. Но в то же время Рантара распирало любопытство, слова так и щекотали язык.

– И как же она сделала это? – сглотнув, спросил он.

Эстебан ухмыльнулся, как самодовольный уличный хулиган.

– Все просто. Магия.

У Рантара задергалось веко, и он сжал топор чуть сильнее, бросив взгляд по сторонам.

– Исключено. Магия веками находится под запретом. Королева карает за малейшие намеки на нее.

– Ха! Ты никогда не отличался наивностью. Как думаешь, в чем настоящая причина запрета? Так можно не бояться, что у тебя появятся конкуренты.

– Магия приносит хаос. Она неподвластна и разрушительна. Проще уздачку на пламя накинуть.

– Видимо, Доротея считает иначе. У тебя есть другое объяснение, как черный тюльпан, который еще вчера сражался с ней, готов целовать королевские ступни? Если у тебя и остались еще какие-то сомнения, то вспомни вкус ее поцелуя. Уверен, ты помнишь горечь, царящую в нем. И это явно не краска, которую она наносит на губы. Или вспомни, что она всегда угощала тебя вином, кроме прошлого вечера.

– Откуда ты знаешь? – Ему не удалось сдержать липкие лапы страха, схватившие тело.

– Я очень многое узнал за последние годы... Как-никак, своего врага надо знать в лицо, – Эстебан горько усмехнулся и взглянул Рантару в глаза. Он сильно изменился со времен войны. – Я уже помог тебе один раз. Смогу помочь и вновь. Но ты тоже должен помочь мне. Вместе мы вернем наши прежние жизни.

Холодные глаза собеседника были пучинами лесного озе-

ра. Что еще мог знать Эстебан? И как он узнал о вине и всем остальном? Живот недовольно забурчал. Рантару одновременно хотелось задавать новые вопросы и просто уйти, никогда больше не встречаться с ним. Поэтому он выбрал простой путь – кивнул.

Бывший властитель довольно показал зубы.

– Чудно! Выходит, за дело! Пожалуй, я оставлю тебя тут. Тебе есть о чем подумать. Свяжусь с тобой, когда потребуются. А на столе я оставил небольшой подарок, пригодится. Найди Семера – и ты найдешь своего сына.

Темная фигура Эстебана бесшумно растворилась, исчезнув, как тень, и Рантар остался наедине с собой в присутствии лун и звезд. На столе поблескивал пистоль. Тот самый, что Эстебан демонстрировал в трактире. Рядом лежал маленький мешочек, видимо, с порохом. Сначала Рантар отвернулся и почесал бороду. Пистолю нельзя доверять. Иногда они взрываются в руках, иногда просто не стреляют. И все-таки Рантар повернулся, наблюдая за блеском на парных дулах, взял пистоль в руки. В конце концов, в бою пригодится любое оружие, не стоит отказываться от преимуществ. От холодного металла пошли мурашки, и Рантар убрал оружие подальше. Пора подумать о главном. Спустил столько лет...

Он прикидывал, осталась ли у королевской семьи над ним какая-то власть. Если бы Эстебан сейчас приказал что-то, как Себастьян с пальцем, смог бы он отказать? Доротея исключила Эстебана из семьи, так что он не был обязан его

слушаться. Скверная мысль – он все еще размышлял, что могла велеть королева. Рантар встряхнул головой.

Он глубоко дышал, желая проветрить голову от всего, что мешало унять головную боль. И каждый вздох казался глотком чарующего нектара. Он больше не спал. Он был свободен и собирался всерьез заняться своей жизнью после стольких лет.

Глава 6

Кому нужна помощь

Доротея приближалась к нему, как наконечник копья, от которого не оторвать взгляд. Он замер, ни один мускул не мог дернуться, хотя ему очень хотелось пошевелиться. Он кричал, стenal, но стоял без всякого движения, даже рот открыть не мог. А она подходила все ближе, не торопясь, наслаждаясь. Легкая улыбка пухлых губ предвещала ядовитый укус. Бедра покачивались в такт шагам – так, словно она плыла над землей, а не ходила, как обычный человек.

– Удивлен? – Доротея взяла его руку, и боль, как от ожога, отозвалась во всем теле. Но руку он не забрал. Просто не мог. – Тебе не нужно уходить. Потому что *ты мой*.

Королева взяла его палец и положила себе в рот. Жаркий, мокрый, пылкий рот.

Тут Рантар проснулся. Вернее, ему очень хотелось в это верить. Руки вцепились в древко топоров так, что, просыпаясь, он услышал хруст костяшек пальцев. А может, это звук его и разбудил.

«Это ведь больше не сон, верно?»

Рантар встал и осмотрелся. Безлюдная пустота тревожила и радовала глаз одновременно. Ни замков, ни домов, только поле. Было что-то естественное в том, что вокруг не было ни

души, его окружали лишь холмы с пожухлой травой да облезлые деревья вдалеке. Это было царство грязи и холодного воздуха, остальное, даже Рантар, было здесь лишним.

«Антар», – поправил он себя, хотя это имя мало что сказало ему. С таким же успехом можно было выплевывать случайные слова на ветер. И все же это было его настоящее имя. Настоящее имя несуществующего больше человека.

Только сейчас Рантар позволил себе разжать кулаки, медленно переводя дыхание. Пальцы с трудом выполняли команды. Пришлось потратить целую вечность, чтобы расслабить их. Это было будто ответом на ту дрожь, что рождалась внутри него. Рантар вздохнул. Борода его покрылась инеем. Из рта вырывались облачка пара.

«Все-таки сон», – с облегчением подумал он, содрогаясь оттого, насколько реальной показалась встреча с королевой. Рантар подвигал пятерней по груди, желая удостовериться, что цел. Хотя прекрасно знал, что невредим. В его пребывании здесь, посреди немых холмов, было что-то неправильное, что-то пугающее. Противное жжение в груди говорило, что он ошибся и ему тут не место. Так маленький ребенок, поняв, что одинок и предоставлен сам себе, ждет возвращение родителей. А он ждал возвращения королевы.

«Твою мать, – только и мог подумать он. – Хорошо, что не вернулся к ней. Это похоже на чертову болезнь».

Бывший герой положил руку на лоб, но жара не было, он был здоров. Но почему же, во имя богов, так плохо? Пока-

чиваясь и разминая ноги, он еще раз огляделся и поспешил в дорогу. Утренний холодный воздух должен был пойти ему на пользу.

Рана вместо пальца пульсировала и напоминала об унижении. Кровь больше не шла, но он все еще держал перевязку на обрубке. По счастью, травма не мешала держать топоры. Он пытался сосредоточиться, избавиться от наваждения. Рантар старался думать о чем-то светлом, что не должно было быть связано с королевой. Очнувшаяся память хранила улыбку Селины, его жены – она всегда внушала надежду, – но как он ни пытался, кроме улыбки и смеха лицо уже не получалось толком вспомнить. Зато все остальные воспоминания последних десяти лет, тоскливые и мрачные, вернулись к нему.

По земле одеялом стелился промозглый туман, от которого мокли ноги. Но сейчас Рантар вздрогнул и взбодрился. Можно выкинуть глупый сон из головы и сделать вид, что он не чувствует губ Доротеи на своем пальце. Рантар взглянул на руку и издал горький смех.

«Забавно, я чувствую не только губы, но и сам палец, хотя его тут нет. Я вижу это и все равно чувствую его, будто даже могу пошевелить им. Долбанная семейка. Всем вам место на виселице».

Шаги становились размашистее и увереннее, непреодолимо неся его вперед. Или подальше от нее. Все это было не важно. Эстебан утверждал, что Семер может знать про сына,

Рантар и сам так думал, а значит, сделает все, чтобы найти его. Даже если придется иметь дело с Эстебаном. Он должен был найти Фило. Иначе никак. Только так можно было заглушить пустоту, образовавшуюся в груди. Вернуть все как было. Чтобы все было правильным. Если Рантар спасет сына из лап королевы, если они снова будут вместе, то жизнь наладится и его кошмар закончится.

В кармане плаща Рантар нащупал пистоль. Искушение выбросить оружие было слишком велико, и все же он даже не достал его из кармана, хотя пистоль и жег пальцы. Он хорошо знал, что много оружия не бывает. Любое может пригодиться. Пусть даже это подарок Эстебана. А никто не скажет ему, что ждет впереди, пока он занят поисками Фило. Все, что он знал, – нужно двигаться быстрее.

Понимая скорость Усына, Рантар осознавал, что его уже хватились. Они отправят людей, чтобы проверить виллу. Не найдут его, снова вернутся в замок. И вот тогда наверняка примутся искать основательно. Значит, он опережает их на сутки, не больше. Не такая уж и весомая фора.

В голове крутилась тысяча мыслей, каждая пыталась завладеть его вниманием, как похотливая девка. Рантар вспоминал последние десять лет. Со всеми местами, что посетил, людьми, которых убил. Он прикрыл глаза и покачал головой. Сожаления не нужны. Так далеко не уйти.

Взобравшись на новый холм, Рантар увидел небольшой городок, спрятавшийся за облетевшими деревьями. Городок

как городок, ничего особенного: дымящие трубы, еще большая грязь. Пару мгновений он раздумывал, стоит ли идти дальше. Но заметив, как непроизвольно вжимает голову в плечи, понял, что ему нужно место, где можно отогреться.

Люди на улицах вели себя, как пуганные зайцы, вздрагивающие от любого шороха и идущие так, будто готовы сорваться с места в любую минуту. Плохой знак, но разворачиваться было уже поздно. Рантар захлопнул полы плаща плотнее, чтобы никто не заметил двух приметных топоров на поясе, и направился в сторону трактира.

От обстановки внутри хотелось похлопать владельца по плечу и пожертвовать ему пару монет. Пара жалких бутылок на столах одиноко жалась друг к другу, а мебель просила добить ее, лишив мучений. Посетителей толком не было, что более чем устраивало Рантара. Он примостился в углу, откуда хорошо было видно вход, и заказал себе пару кружек выпивки. Если повезет, то можно будет согреться хотя бы таким способом.

Увы, сделав глоток, Рантар понял, что ошибся. За такое пиво трактирщику стоило набить рожу. Вот только он сделал еще глоток. А потом еще и еще.

– Вы позволите? – Рядом возник мужчина с заискивающими глазами и веснушками на щеках.

– Нет.

– И все-таки нам надо поговорить, – мужчина сел напротив, виновато улыбаясь. Рантар положил руку на топор и сде-

лал еще один глоток, отводя взгляд.

– Меня зовут Тофил. А вы?.. Нет-нет, не говорите. Так будет даже лучше. Обещаю, я вам не надоем.

– Уже надоел.

– Тогда прошу позволить еще немного надоесть. Дело в том, что, – мужчина огляделся, хотя никого рядом не было, а потом понизил голос до заговорщического тона, – что нам нужна ваша помощь. Я хотел сказать, мне. Нам. Нашему городу.

– Новых клиентов этому месту я вам не приведу.

– Оно и не надо. Я бы хотел просить о помощи более деликатного характера.

Рантар наконец перевел взгляд обратно к заискивающей улыбке незнакомца. Что-то подсказывало, что Рантару стоило уйти бросив пару монет и не оглядываться. Мужчина, видимо, прочитал его мысли и нагнулся еще сильнее, чуть не растянувшись на столе.

– Вас наверняка заинтересует это.

– Когда так говорят, обычно все ровно наоборот, – Рантар с неудовольствием взглянул на остатки пива, плескающееся на дне стакана.

– Не на этот раз. Если чутье меня не подводит. А оно меня редко подводит. Когда я увидел вас, шедшего по городу, сказал себе: «Тофил, это именно тот человек, о котором ты молился все последние недели», – такая походка, взгляд...

– Надеюсь, ты меня не на свидание приглашаешь?

– Что? Нет, что вы! Я хотел сказать, что если бы меня интересовали мужчины, то вы наверняка не оставили бы меня равнодушным... О чем я? Так вот. По вашему виду я сразу понял, что вы человек дела. Человек, который не очень любит задавать много вопросов. Человек, который владеет оружием.

Тофил при последних словах почти перестал дышать. Рантар покачал головой. Неприятности слишком любили его, чтобы добровольно соглашаться встречать в них в каком-то захолустье.

– Я не наемник.

– Вам и не нужно им быть. Но плата, которую мы предлагаем, довольно существенна. Ну, конечно, она не огромна, но вполне справедлива: сотня севариев.

– Вы говорите уже пару минут, а я так ничего и не понял. Оно и к лучшему. Счастливо оставаться.

– Стойте! – Тофил порывисто схватил его за руку, но, мгновенно побледнев, убрал свою. – Простите! Но мы отчаянно нуждаемся в помощи. Ради такого мы... мы увеличим плату вдвое. Две сотни севариев. Это все, что у нас есть.

Рантар уже собирался уходить, но названная сумма вполне стоила того, чтобы хотя бы выслушать предложение. В его карманах зияла огромная прореха. А деньги ему были нужны. Прибегать к своим правам героя он не собирался. Проще было нарисовать на лбу мишень.

– Вот видите, я же говорил, предложение хорошее!

– Я слушаю. Только быстро.

– Быстро. Разумеется. Месяц назад в наших краях появился герой, представляете? Кто-то обрадовался, кто-то испугался. А я сразу сказал себе: «Тофил, с этим парнем хлопот не оберешься, ничего из этого не выйдет», – как в воду глядел! Да-да, я помню, быстро. В общем, герой этот, Маркос, воспользовался законом королевы-матери – да будет править она долго! – он берет все что хочет, ни за что не платит. И живет здесь целый месяц! Вы поймите, я верный слуга короны, я поддерживаю нашу власть, но этот... герой, он же просто вымогатель! Он забрал все, что было у любого из нас. А если ему кто-то хоть слово скажет, то тут же пускает ему пулю в лоб. У него есть этот... новомодный... как его... пистоль! Во. Он запугал всю округу, и сюда больше никто не ездит. Скоро зима, а у некоторых горожан он забрал последние крохи.

– И вы хотите, чтобы я?.. – решил прервать его словесное недержание Рантар.

– Убрали его отсюда. Поговорите с ним, напугайте. Пусть он уйдет. Вы же знаете, никто не рассматривает жалобы на героев. На словах я глава города, но с таким же успехом на этого героя может пожаловаться лужа!

Рантар окинул взглядом затертый кафтан и заплату на штанах Тофила.

– Ты не похож на бургомистра.

– Предыдущий бургомистр... не смог договориться

с Маркосом.

— Ясно. А что, если этот Маркос не захочет уйти? — Рантар откинулся на спинку стула. Вершить правосудие в городке ему вовсе не хотелось, вот только сумма была очень уж соблазнительной для дальнейшего путешествия. Такие деньги честным путем не заработать.

— Ну... тогда вы, тогда... сделаете что-нибудь.

— Например? — Ему было почти жалко смотреть на то, как лицо несчастного бургомистра покрывается красными пятнами.

— Надеюсь, до этого не дойдет. Вид у вас куда внушительнее, чем у него. Но, возможно, это будет простая самооборона. И в свидетелях у вас будет целый город!

— Как много ответственных граждан.

— О да! Мы такие. Городок у нас хоть и маленький, но дружный. Так что скажете, вас заинтересовало наше предложение?

Рантар с сомнением поводил пальцем по металлу топора.

— Этот герой, как его звать еще раз? И что у него кроме пистолей?

— Вроде бы Маркос. Никогда прежде не слышал этого имени. Но вы ведь знаете, как это бывало в последнее время. Героев все больше. Времена совсем беспокойные. Какой-то нож у него висит на поясе, а кроме него да новых огненных палок ничего и нет. Сам он молодой, думаю, моложе меня. Руки крепкие. Но не такие, как у вас, конечно...

– Ладно. Поговорю с ним. Деньги вперед, Тофил.

– Вы ведь понимаете, – облизнулся бургомистр. – Всю сумму отдать я не могу. Люди меня растерзают. Давайте так: половину сейчас, половину – после того, как поговорите.

– Нет, Тофил. Все. Или я ухожу. И ждите нового странника дальше.

Градоначальник хотел что-то возразить, но помрачнел лицом и слегка сполз со стула.

– Хорошо. Только прошу, уберите его отсюда.

Тяжелый мешочек лег на стол с приятным стуком. Рантар развязал его и пересчитал монеты. На первый взгляд, все было в порядке. Вот только с каждой на него смотрело лицо Доротеи. Он скривился. Завязал мешочек и бросил в карман.

– Жди тут. Где он живет?

– Там, в доме в конце улицы. Он живет без охраны, с несколькими слугами.

Рантар вышел под тяжелыми взглядами бургомистра и трактирщика и направился к выходу из города, в противоположную от указанной сторону. Устраивать разборку с героем – мнимым или настоящим – смысла не имело. Рисковать жизнью из-за бед горожан не входило в его планы по спасению сына, а вот деньги пригодиться могли. Карман отдавал тяжестью – такой же, как и воспоминания о том, что он уже минимум дважды предал этих людей. Первый раз, когда не защитил страну. Второй – когда начал плясать под дудку ведьмы. По сравнению с этим кража двух сотен севариев бы-

ла детской забавой, о которой они и не вспомнят. В конце концов, это не последнее унижение, которое им предстоит испытать.

Грязные улицы были почти позади, когда Рантар понял, что что-то не так. Рядом с ним шел человек, не как загнанный кролик, а как хозяин угодий. Вольности походки могли позавидовать столичные щеголи. Впрочем, это было единственное, чему они могли позавидовать. Наряд был богатым, но ужасно безвкусным, составленным невпопад из самых разных по стилю элементов. Последней жертвой моды стала широкополая шляпа с пером, которые не носили со времен молодости Рантара.

– Эй, ты кто? Я ни разу тебя тут не видел, – незнакомец прищурился. На поясе пока еще мирно висел пистоль и нож.

– Простой путник, – Рантар шел дальше, он не имел привычки болтать с людьми.

– Мы точно раньше не виделись? Рожа знакомая. Эй, я у тебя спрашиваю!

Рантар шел достаточно быстро для того, чтобы оставить героя-щеголя позади. И надеялся, что в случае чего успеет услышать звук взводимого курка. Щелчка не было, как и новых вопросов, и Рантар скрылся за поворотом, только сейчас заметив, как вцепился в топоры даже сквозь плащ.

«Твою мать, плохая привычка», – за прошедшие годы он сваялся с тем, что его не волнует, видит ли его кто-то с оружием.

Городские ворота были совсем неподалеку, но ноги вросли в землю. То, что никто не знает имени заметившего Рантара героя, не означает, что тот не узнал его. И раз он тут так хорошо устроился, то с удовольствием выложит королевским гончим, кто и когда проходил через город.

«Твою мать», – повторил Рантар, а потом выглянул из-за угла. Местный оккупант уже испарился, возможно, вернувшись к себе домой. Выполнить заказ еще было возможно. Рантар мог бы действительно заставить героя убратся отсюда. Или заставить его исчезнуть. Руки снова коснулись металла, раненный палец подергивался под повязкой, а в груди начало жечь.

Мышцы напряглись, а сердце забилося на пару ударов быстрее. Но не от страха, скорее, это напоминало волнение перед встречей с женщиной. Рантар заметил, что уже идет в сторону нужного дома.

Улицы вокруг трехэтажного дома словно вымерли. Возможно, никто не любил показываться поблизости, опасаясь новых налоговых сборов. Когда-то это место наверняка было образцом провинциального богатства, однако от времени вся лепнина на стенах потрескалась, краска сползла, будто красота с лица старухи.

Рантар в последний раз взвесил все «за» и «против». Впредь он окажется только в Топуни, где есть священник, знающий о Семере. И больше никаких городов, никаких людей. Никто не должен знать, куда Рантар направится и где

его ждать.

В последний раз осмотревшись, он без стука вошел в дверь. Внутри оказалось, как в галерее. Галерее дорогого хлама. Повсюду валялись вазы, картины, какие-то статуэтки, резная мебель. Если тарелкам или еще какой дребедени не хватало места, то она лежала прямо на полу. На домашний куст кто-то накинуд ожерелье из жемчуга.

«Отлично, я попал в дом запасливого хомьяка». Сверху доносились голоса, и Рантар решил поскорее закончить с делом. Плащ распахнулся, давая возможность взяться за оружие. Или предупреждая других, что Рантар может это сделать.

На лестнице ему повстречалась пара служанок, на которых было слишком много украшений, зато почти не было одежды. Впрочем, судя по выражению их лиц, они были бы рады променять одно на другое. Рантар просто мотнул головой, и они, поняв без лишних слов, бросились вон из дома.

«В следующий раз хоть надену маску на лицо», – почесал он бороду. Еще одно наследство Доротеи. Она очень любила его бороду. Рантар отдернул руку, словно обжегся. «Ладно, с этим потом разберусь».

Он шел осмотрительно, но не настолько, чтобы обращать внимание на скрип половиц под ногами. Рантар пришел сделать дело, ничего больше. Возле дверного проема он остановился, вслушиваясь в развязный, тягучий говор парня, уверенного в том, что никто не посмеет переступить порог дома

без его дозволения. Он любил пистолы, а Рантар не любил сюрпризов, поэтому взял топор в одну руку и накинул плащ поверх нее.

Молодой герой развалился в кресле, даже не удосужившись снять свою здоровую шляпу. Еще пара служанок послушно порхали вокруг него, замерев при появлении Рантара. В глазах героя вспыхнуло удивление.

– Опять ты? Чего надо?

– Выйдите, – приказал Рантар, не сводя взгляда с парня. Тот, должно быть, был ненамного старше Филю. Но удивительно непохож на него. Слишком мягкий, смазливый. Филю больше был похож на самого Рантара.

В руках герой держал свой любимый пистоль. Вопрос был только в том, заряжен он или нет. В этих огненных пукалках обычно было не больше двух зарядов, после пары выстрелов их нужно было перезарядить. Очередное чудо-оружие, которое недавно гильдия изобретателей создала для королевы.

Служанки послушно выскочили, не дожидаясь разрешения своего господина. Тот скривил губы и закинул ногу на ногу.

– Я знал, что рано или поздно они решат кого-то подослать. Значит, у доходяг еще остались деньги. Прекрасно, больше я не буду слушать их бляение.

– Не будешь. Они просили, чтобы ты уехал и не возвращался.

– А вот хрен им, – оскалился Маркос и навел на него свою

железную трубку. — Думали, наймут грузчика или мясника, тот скорчит злую рожу, и я обделаюсь от страха? Что они обо мне удумали?

— Что ты болван, очевидно.

— Умничаешь? Хорошо, раз ты такой умный, скажи: голова или яйца?

Ствол слегка заходил из стороны в сторону. Маркос пытался напустить на себя скучающий вид, но от опытного глаза Рантара не укрылось, что тот лишь сильнее вжался в кресло.

— Выбор перед тобой. И довольно простой. Я тороплюсь, поэтому второй раз повторять не буду: или ты сейчас же выметаешься из города, прихватив с собой свое барахло, или тебя из него вынесут и сбросят в канаву.

У Маркоса желваки под кожей заходили ходуном, будто он только сейчас узнал, каково это, — когда не ты, а тебе угрожают.

— Значит, говорим серьезно, как взрослые мальчики? Хорошо. Сколько они тебе заплатили? Я заплачу вдвое больше. Как видишь, в деньгах у меня необходимости нет. Спасибо королеве. Мы с тобой можем стать новыми королями, зачем нам ссориться? Городишек хватит на всех, каждому найдется место, деньги и женщины. Эти людишки — овцы, и созданы для того, чтобы их стричь, а мы с тобой можем стать героями. Ну, что скажешь? Несколько сотен севариев хватит, чтобы установить между нами дружбу?

Какое-то время Рантар размышлял над предложением – вернее, над тем, чтобы забрать деньги, а потом все равно настоять на своем. Вот только, услышав удар кремня, кинулся в сторону, одновременно выбрасывая вперед руку с топором. Раздался гром и треск, и какие-то щепки посыпались за спиной. Маркос хотел перевести дуло вслед за ним, но не успел увернуться от удара топором и промазал. Рантар развил преимущество, кинулся в другую сторону, схватив его за ослабевшую руку, и выхватил пистоль.

– Черт! – выдохнул Маркос, смотря на засевший в его груди топор и растекающуюся из-под него кровь.

Рантар наставил пистоль на лоб героя и нажал на спусковую скобу, но ничего, кроме слабого щелчка, не произошло.

– Вот поэтому я не люблю пистолы, – сказал Рантар. – Слишком ненадежные. То ли дело старый добрый топор.

– погоди! – засипел герой. – Бери... что захочешь.

Бедный Маркос, эти всхлипы и кровавое пятно на камзоле совсем не шли ему. Но смерть мало кому идет к лицу. Кровь в Рантаре бурлила, а руки требовали продолжения.

– Да, я возьму, – пожал плечами Рантар, прежде чем нанести добивающий удар вторым топором. Потом он спокойно и обстоятельно вытер лезвия об одежду Маркоса и запихнул себе за пазуху несколько украшений, валявшихся в неразберихе на столе. Пятна крови расплзались по вытертому паркету, и Рантар с сожалением покачал головой. Эти пятна уже не вывести. Хотя владелец дома вряд ли будет об этом пере-

живать.

Рантар уже хотел уйти, но, обведя безвкусную комнату взглядом в последний раз, заметил шляпу, слетевшую на пол. За ее широкими полями было бы удобно скрывать лицо. Рантар водрузил ее на голову и с удовольствием отметил, что она была как раз в пору.

— Кто-то говорит, что брать вещи у мертвеца к несчастью, но я не суеверен, — бросил он напоследок труп и спустился на улицу.

Вырученных денег должно было хватить на подкупы и обычные расходы, что слегка приободрило после той грязной работы, которую пришлось сделать. Случись все иначе и не окажись Маркос таким самовлюбленным подлецом, Рантар бы тихо распрощался с ним, а так по городу поползут ненужные слухи. В следующий раз нужно действовать куда аккуратнее и незаметнее. Хотя зверь в груди довольно заурчал.

В голове проносились слова Усина: «Ни одного достойного соперника». Не без сожаления Рантар (или это был Антар?) отметил, что согласен. Бой оказался слишком простым и слишком глупым. Ему следовало позаботиться о том, чтобы его не узнали. А то по следу из трупов его найдут вернее, чем по хлебным крошкам. В конце концов, он больше не герой королевы-матери. От этой мысли что-то болезненно сжалось в груди.

На улице его уже ждал Тофил, испустив вздох облегчения.

– О, это вы, хвала богам! Не узнал из-за шляпы. Мы услышали выстрел и уже готовились к самому худшему. Как все прошло?

– Больше он не станет вас беспокоить. Но в доме надо прибраться. А еще я бы хотел напомнить, что никак не причастен к этой истории.

– Ага, – на лице Тофила появилась понимающая улыбка. – Не волнуйтесь, господин благодетель, никто ни о чем не узнает. Мы умеем быть благодарными. Я рад, что вы тут оказались. Когда я увидел вас, то сразу сказал себе: «Тофил, вот на кого можно положиться, этому человеку можно верить». Вы нас спасли, вы наш настоящий герой.

Рантар болезненно поморщился, но ничего не ответил.

– Мы еще можем что-то для вас сделать?

– По правде, да, Тофил. Где здесь можно побриться?

Глава 7

Бремя героя

Мир кусался. Бил. Царапался. Желал отомстить за то, что Имва сделал. Не желал принимать, а тот упорно шел, вытаскивая из кожи шипы и колючки, которые могли сделать больно. Навнат мирно сидел за пазухой и иногда советовал, в каком направлении двигаться.

– Ко! – сказал он, когда очередная ветка хлестанула Имву по лицу.

– Я знаю. Если нечего сказать по делу, лучше молчи.

Петух потерял к нему всякий интерес. Возможно, просто обиделся, но усталость была слишком сильна, чтобы обращать на него внимание. Все болело, ломалось, ныло под кожей. Пятки горели, как будто он решил пройтись по углям. Даже хвост отдавал мучительным воем, который мог слышать только Имва.

Хранители отвернулись от него, перестав помогать, и он лишь разглядывал их мрачные, почти голые ветви. Деревья тут были совсем иные. Холодные, чужие и стеснительные. И хилые, определенно хилые. Сок жизни едва поддерживал даже самых могучих из них. Хранителям помочь было нельзя, себя бы спасти.

Мир вокруг тоже был совсем иным. С каждым новым ме-

сяцем странствий Имва удивлялся, насколько все не похоже на родину. Сама форма мира была другой. Резкой, простой. Она быстро текла, менялась. Но не хотела поддаваться Имве, своенравно огибая его. Если преследователи снова нападут, то он не сможет изменить форму мира, как бы ни хотелось.

Желудок ходил ходуном и зло рычал. Кажется, решил объявить ему войну. Слишком многие отвернулись от него в последнее время. Само тело взбунтовалось.

От усталости Имва просто бухнулся на землю и уставился в одну точку – на ярко-оранжевый шар, пытавшийся скрыться среди деревьев. Тот, видно, тоже решил покинуть его.

– Как стать героем, Навнат, если не можешь даже поесть?

Петух молча отвернулся, обдавая своим презрением. Или он тоже слишком устал.

– Думаешь, они уже отстали от нас? – Имва с надеждой всматривался в силуэты деревьев и ходившие среди них тени. Собак он не слышал уже два дня, а от людских поселений старался держаться как можно дальше. Но это было трудно. Их деревянные и каменные коробки были повсюду. Убежишь от одной – и тут же окажешься возле другой.

Вот и сейчас пришлось остановиться неподалеку от места, в центре которого возвышалась каменная башня. Иногда Имва подслушивал разговоры и знал, что люди называют их церквями. Голод заставлял рисковать, подходя к поселениям. В голом, чужом лесу пропитания было преступно мало. А так постепенно он хотя бы начал понимать людской язык.

Всем сердцем он желал, чтобы от него отстали. Еще чуть-чуть – и готов был упасть без сознания прямо в лесу или среди широкого поля. И так уже второй день. Лишь сила воли да подбадривание Навната помогали двигаться дальше. И мысль о том, что он может стать героем. Нет – должен стать.

Ночь нужно было переждать наверху, среди деревьев. Так никто его не заметит. Он подтянул людские штаны и подвигал хвостом. Легкие тряпки не давали согреться, но хотя бы издали делали его похожим на человека. В штанах он обычно и прятал хвост, если надо было подобраться к поселению поближе.

Имва полез наверх, цепляясь длинными руками за тяжелые влажные ветви. Навнат опасливо покосился с его плеча вниз, но ничего не сказал.

– Ты хоть поклевал червей сегодня утром. А я не ел уже несколько дней. Нет, ты ничего не подумай, просто героям нужны силы. А из нас двоих ты пока больше подходишь на эту роль.

– Ко!

– Да, знаю, что-нибудь придумаем. Другого выхода нет. Они надеются на меня.

– Ко!

– Ну-у, наверное, не только на меня, но именно я... то есть, я хотел сказать, мы им поможем. Вот тогда посмотрим, что они скажут. Пусть только посмеют отвернуться! Перед героями не отворачиваются.

Имва сжал в кулаке кулон с зубом оргота, пытаясь этой твердостью уравновесить ту жалкую, ничуть не героическую трясучку, что шатала его изнутри. Глаза начало пощипывать, и он ударил себя по лицу. Получилось неплохо, он даже слегка смог согреться, да и глаза перестало щипать. Кулон остался тем самым предметом, который помогал найти внутреннее равновесие. Единственное, что осталось Имве на память от папы. Тот рассказывал, что однажды они с его матерью победили в лесу оргота, опасного зверя. Отец решил, что это добрый знак, что зуб чудища станет талисманом для сына. Имва не расставался с ним с рождения, вот только лучше бы с ним остались мать и отец.

Лес был чужим, отталкивающим своим безразличием. А еще этот холодный воздух, кусающий за лицо, как множество мелких букашек. Имва бы свернулся клубком, если б мог, но ветка была не чета домашним – с такой и упасть во сне можно. А ему вовсе не хотелось приземляться своим преследователям на голову.

Мрачные тени наползали друг на друга, и света становилось все меньше. Пустота буквально кричала ему, что он здесь чужой. Вот только он везде был чужим.

– М-да, ну и как стать героем среди этого, Навнат? Тут нет ничего героического. Что они вообще делают? С чего начинают?

Петух молчал. Тема явно его утомила. Напротив, для Имвы она была единственным источником света и тепла в

чужом мире. Как костер внутри – пылала и поддерживала жизнь, а языки пламени весело лизали внутренности. Благодаря этому Имва открывал глаза по утрам и перестал плакать ночью.

– Я слышал, у героев есть великие имена. Надо выбрать имя. А то, когда совершу что-то геройское и меня спросят, что я отвечу? Что меня зовут Имва? Звучит как-то не по-геройски. Так могут звать того, кто прячется на дереве, сам не зная от чего. Нужно что-то такое, чтобы меня уважали, внушающее трепет. Может?.. Нет, это слишком плохо. А может?.. Нет, звучит по-дурацки. Это труднее, чем я думал, Навнат. Наверное, проще начать с прозвища. Давай сначала придумаем для тебя.

Навната это явно не интересовало, возможно, он уже спал, но Имве хотелось думать о чем-то приятном, согревающем. Чем-то, что могло дать надежду.

– Зоркий? Нет, я вижу лучше. погоди! Прозорливый. Точно! Ты Навнат Прозорливый!

– Ко?

– А, вот видишь! Я же говорил, что тебе понравится. Тебе идет. Ты же всегда предупреждаешь меня об опасности. Я еще думал над Заботливым, но звучит не очень по-геройски. Теперь твоя очередь. Как ты меня назовешь? Ну же!

– Ко?

– Нет, это никуда не годится. Слишком пошло. Ты хочешь, чтобы надо мной опять все смеялись?

Петух обидчиво потоптался по ноге, явно теряя интерес к диалогу.

– Бесстрашный? Хотя кого я обманываю... Решительный? Хотя что я решаю? Ловкий? М-м-м, звучит неплохо. Имва Ловкий. Нет! Проворный! Вот прозвище для настоящего героя! – Его глаза загорелись, и он мечтательно уставился в темное, синее небо, по которому носились пухлые тучи. – С таким прозвищем меня точно ждет успех. Я хотел сказать, нас.

Имва облокотился на ствол поудобнее и смотрел прямо перед собой в светлое будущее, которое манило даже больше, чем теплая свежая пища. Вот он спасает людей, попавших в беду, и они удивленно смотрят на него, а потом извиняются за то, что преследовали. Вот он возвращается к себе в деревню, и все те, кто презирал и насмехался над ним, стыдливо прячут глаза, а девушки сплетают венки из коры и весенних цветов и устраивают вокруг него хоровод, одаривая своими сладкими улыбками, от которых подпрыгивает сердце. И нет больше ни страха, ни унижения, ни вины, душащей за горло. Лишь уверенность в том, что все будет хорошо.

Было так прекрасно, что когда Имва разлепил глаза, то словно хлебнул воды из грязной лужи. Вместо ласковых рук девушки, проводящих по его волосам, на него свалилась ледяная капля. Вокруг было светло и даже холоднее, чем вечером.

Имва разочарованно выпустил клуб пара и взглянул на

свои руки. Он ощущал слабость, будто они готовы были примерзнуть к этой коре. И тогда он уже не сможет их отодрать от нее. Хватит ли сил на то, чтобы спуститься? Или вместо славы ему уготовано стать вечным заложником дерева?

От резкого крика неподалеку внутри сжались все внутренности. Страх. Опасность. Имва съежился и оскалил клыки. Замотал головой так, что та начала кружиться, и он чуть не навернулся с ветки. Крик повторился.

– Это девушка, Навнат. Ей нужна помощь!

С трудом соскользнув с дерева, Имва поморщился, когда чужая земля обожгла своим холодом. И все же это был знак. Видение. Судьба. Сон исполнялся. Он хотел стать героем, ему снилась девушка, и вот все начало исполняться. Возможно, хранители и не покинули его, даровав милость.

Имва приложил ладонь к земле, пытаясь восстановить связь. Но земля была другой. Холодной. Уставшей. Она не хотела говорить. Тогда он прислушался, к стыду, надеясь, что бедная девушка вновь закричит. Хотя это и мог быть ее последний крик. Вопль смерти.

Он поежился, подумав, что могло стать причиной крика. Дикий зверь? Злой человек? Обвал берега? Хватит ли ему, истощенному и одеревеневшему, сил справиться с человеком? А медведем? Взволнованно прищелкнув языком, Имва посмотрел на Навната. Тот дернул головой.

– Не будь трусливой курицей. Мы должны помочь. Мы же герои!

Не похоже, чтобы Навнат считал так же, но в этот момент раздался новый крик, и Имва подался в его сторону.

— Время не ждет! — Взяв петуха, он помчался на крик. Это было совсем неподалеку.

Ноги неслись, подхватываемые ветром. Он летел. Вперед. К цели. К мечте. Сердце даже стучать начало меньше, будто там его и не осталось. Только решимость. Пару раз он чуть не упал, скользнув по грязи, но это нисколько не смутило его. Герой делает, что должно, несмотря ни на что.

Внизу, совсем рядом с дорогой, из земли торчала деревянная коробка с целой кипой поленьев, подпирающей стену. Ужасная дикость, на которую было не время обращать внимание. Имва обвел взглядом окрестности и поставил на землю петуха. Вряд ли в бою от Навната будет большой прок.

«Был бы от меня», — выдохнул Имва.

Тут он и заметил два лежавших тела под каким-то покосившимся навесом. Женщина лежала без движения, а мужчина, стоявший к нему спиной, возился со своей одеждой. Худшие подозрения оправдались.

Сделав вдох поглубже, будто воздух мог напитать его силой и увеличить в размерах, Имва побежал вперед. Нужно было действовать. На его стороне внезапность. Враг не ожидал нападения. Он будет действовать, как Гарн Решительный. Не беда, что перед ним только один противник.

Разбежавшись как следует, Имва налетел на мужчину, растрепанного, мокрого и волосатого. Да еще и вонючего.

Тот едва успел повернуть голову. Удар. Вскрик. Боль.

Первое разочарование касалось веса. То ли Имва совсем исхудал, то ли разогнался не очень сильно, но мужчина остался стоять на ногах. Второе разочарование коснулось боя. Те удары, что он непрестанно наносил, казалось, не приносили никакого проку. С таким же успехом он мог мутузить землю.

Голова кружилась, пару раз он тоже получил удар. Мир превратился в жуткую мешанину, где он стал простым зрителем. А ведь должен был сражаться. Тут мир растрескался под действием крика. Кричал мужик, кричала женщина. Этого Имва понять не мог. Это не было похоже на крик радости. Девушка даже на помощь не стала приходить. Она все вопила, а потом и вовсе принялась стучать по его спине руками. Не похоже на благодарность.

– Ай! Что вы делаете? Я же помогаю!..

От удара под дых Имва чуть не выпустил из захвата мужика, дыхание перехватило, а глаза полезли на лоб. Еще чуть-чуть – и вонючка одолеет его. Лихорадочно озираясь по сторонам под шквалом шлепков женщины, он заметил рядом поленья, пристроенные у стены. Имва чуть ослабил хватку и, успев взять полено, шибанул мужика по голове. Тот завалился на землю с гулким «ох».

– А-а-а! – заорала женщина так, что у него чуть не заложило уши. – Чудище! Убийца!

Имва попятился, хватаясь за ушибленные места, мельком

заметив, как встревоженно бегают вокруг Навнат. Женщина упала на колени рядом с мужчиной, прикрывая голую грудь рукой. Заботливыми руками она держала мужчину за шею.

– Боги! Помогите! – вскинулась она. – На помощь! Рогатый!

Холод расползлся по телу. Ледяной озноб прошел от затылка до кончика хвоста, который не замедлил дернуться. Кажется, он ошибся, и очень серьезно. Растерянный, одинокий в чужом мире, он смотрел расширяющимися глазами на руки женщины, покрытые кровью. Он напал на них! Набросился вместо защиты. Он все перепутал!

Где-то вдалеке задрожала земля. Это что, четырехногие животные? Имва задрожал, как лист под жестоким ветром. Теперь его точно убьют. Куда бежать?

Имва огляделся и понял, что вот сейчас его поймают и не бывать ему героем. Схватив Навната, он помчался вперед, с трудом разбирая дорогу с засевающим в ушах криком женщины.

Деревья, кусты, холмы. Грязь разлеталась из-под его ног. Поскальзываясь, он растягивался на земле вниз лицом. Петух протестующе кукарекал, но было не до него. На его месте Имва бы молчал. Его убьют, а вот Навната еще и зажарят и съедят. Но сказать Имва этого не мог. Дыхание перехватило, и грудь ходила ходуном. Ему чудилось, что людские животные прямо за его спиной, и вот сейчас его ударят по голове, как он – того бедолагу. И Имва уже не очнется. Не будет ге-

роем. Его совсем не будет.

«Нет! Нельзя. Я должен, должен...» – В голове проноси-лось все, что он планировал сделать, и даже то, о чем ред-ко задумывался. Имва представлял себе того, кем еще мог стать. Его еще могли спасти несколько рывков.

Бежать. Сейчас. Скорее. Прыгать.

Ударившись о широкий ствол дерева, Имва упал на зем-лю и замотал головой. Все кружилось перед глазами, так что пришлось посидеть, прежде чем мир из размазни преврати-лось во что-то более конкретное. Потом Имва понял, что на веки налипла грязь, мешающая смотреть, и обтерся.

Криков и преследования не было, вокруг стоял лишь без-молвный лес. Имва ударил кулаком по земле, с трудом сдер-живая ком, застрявший в горле.

«Это нечестно. Я просто хотел помочь. Хотел сделать что-то правильное. Почему у меня никогда ничего не выходит?!»

Навнат отряхивался, бросая недовольные на Имву взгля-ды. Белые перья запачкались грязью.

– Даже ты меня ненавидишь, да? – упавшим голосом спро-сил Имва.

Он вздохнул, оглядываясь по сторонам. Были звуки пого-ни или нет, надо шевелиться. С трудом он поднялся и вдруг заметил ветряную мельницу за одним из холмов. Так люди называют ее. Мель-ни-ца.

Имва устал, очень сильно. И хотел есть. А там могла быть еда. Мельница выглядела не очень, возможно, там не было

людей. Да и Навнат был голоден. На самом деле стоило бы затеряться в лесу на несколько дней. Его еще могли преследовать, да и на мельнице, несмотря на захудалый вид, мог кто-то быть. Но Имва понял, что сделал шаг к мельнице и еще один. Он решил попытать удачу в последний раз и быстро пошел вперед, зажимая петуха под мышкой.

Глава 8

Черная свадьба

Яркий, мерзкий луч резанул по глазам. Она переворачивалась, махала руками, стонала, но тот никуда не девался, продолжая испепелять ее. Веки разлепились с большим трудом, свет одарил ее очередной вспышкой. Он расколол голову пополам с такой силой, что в висках застучало барабанной дробью. Она перевернулась, попав рукой во что-то мокрое и липкое. Чтобы хоть как-то спастись от света, она заслонила рукой лицо и попробовала сесть. И тут же пожалела об этом.

Вокруг валялись тела в неестественных позах, а под ними уже давно растеклись багряные лужи. Их было около десятка, а в отдалении, в цветастой рясе, валялся священник. Она собиралась вскрикнуть, но издала лишь хрип. Пытаясь отползти, она то и дело залезала руками в темные лужи.

Свет заливал все вокруг через цветные витражи, давая как следует рассмотреть всю картину. Длинный пустой зал был заполнен деревянными скамьями. С ума сойти, она в церкви! На первый взгляд никого, кроме трупов, тут не было. Она хотела позвать на помощь, но быстро передумала, посмотрев на испачканные руки. Вряд ли ей помогут, увидев, как она извозилась в крови.

Голова была такой тяжелой, что все время тянула к земле,

но она постаралась встать. Рука почему-то жутко пульсировала, под слоем крови на ней виднелся жуткий ожог. Ладонь распухла, по ней пузырились красные, смутно знакомые линии.

«Этого не может быть. Я просто сплю. Жуткий кошмар. Говорят, надо ущипнуть себя...»

Щипок не помог, померкнув на фоне остальной боли. Она продолжала осматриваться, убрав с лица надоедливую прядь. Почему-то на ней было вульгарное черное платье из кружев. Она же терпеть не может кружева! Мертвецы, помимо священника, тоже почему-то были все в черном.

Она помассировала висок и нетвердым шагом двинулась к выходу. Если повезет, еще достаточно рано и ее никто не увидит. И она пойдет... Тут она замерла, в груди что-то упало.

«Куда идти? А как я сюда пришла? Не помню. Так, стоп. А кто я?!»

От последнего вопроса внутри открылась бездна, в которую она падала, никак не нащупывая дна. В голове плавали туманные образы, вертелись слова, которые так и не удавалось сформулировать. Она была... кем? Разум представлял собой кашу. С помощью чудовищных усилий удалось вспомнить имя – Виктория. Очень знакомое, так ее и должны звать. Но Виктория откуда? Кто она? Ответы больше не приходили.

Медленно она стала идти к дверям, хватаясь за голову,

когда те неожиданно распахнулись и на пороге появилось несколько людей.

– Вот она, ведьма! Я же говорил!

Мужчины бросились к ней. Она глупо пискнула и развернулась в другую сторону, но, не сделав и пары шагов, запнулась, ударившись о пол. Колено отозвалось жгучей болью, пришлось ползти. Через пару мгновений жесткие руки ухватили ее за волосы. Все тело пронзила острая боль.

– Попалась, гадина!

– Нет! Подождите! Это ошибка! Мне нужна помощь!

Несколько мужчин пробежали вперед, переворачивать тела. За волосы ее держали крепко, не вырваться.

– Пастора убила, зараза!

– Я никого не убивала!

– Замолкни, дрянь! Давайте, ребята, потащили ее к первому представителю. Он ей быстро пеньковую веревку пропишет.

Ее схватили за плечо, второй мужчина продолжал держать за волосы, а потом поволокли по полу, как мешок с овсом. После себя она оставляла грязный красный след.

– Пустите, мужланы! Я могу идти сама.

Но те лишь ругались и хватали ее еще сильнее. Когда ее выволокли на улицу, стало еще хуже. Палки впивались в спину, а прохожие провожали ее, схваченную, ненавистными взглядами. Какой-то малец бросил в нее камень, и никто даже не придал этому значения.

«Невозможно, так не бывает, это сон, идиотский сон», — думала Виктория, но ничего не исчезало. Наоборот, становилось только хуже.

Она не понимала, за кого ее приняли, почему ее волочат по земле, бьют и ругают или как она вообще оказалась в этой церкви в окружении трупов. Вчерашний вечер тонул в омуте образов, которые никак не удавалось выловить. Она будто погружала руки в воду, но не могла ничего увидеть или нащупать из-за грязной взвеси.

Спина и шея все никак не привыкли к боли, но вскоре, дотащив до здания из красного кирпича, мужчины ее поставили на ноги и, ткнув в спину, повели по бесконечным коридорам. Платье сорвали, потом окатили несколькими ведрами воды. Вместо платья выдали одежду еще хуже — грубую и колючую робу. В уставшее тело мигом будто воткнули сотню иголок. Потом ее затолкали в железную клетку и оставили в одиночестве.

Все это происходило так быстро, что она даже не смогла удивиться. Ее швыряло, как щепку на волнах. С тяжестью она опустилась на пол, покрытый грязной соломой, и принялась рассматривать темницу. Ржавая решетка видала лучшие дни, а замок на клетке был здоровым и уродливым. Тут не было даже ведра. Еще раз взглянув на солому, она одернула руку.

«Ладно, ладно, спокойно. Уверена, я смогу им что-то объяснить. Наверняка воспоминания ко мне скоро вернуться.

Должны вернуться! Не повесят же они меня без разбирательства, в самом деле?»

Хотелось фыркнуть, но, взглянув на ржавые решетки, стало почему-то не смешно. Виктория попробовала собрать непослушные волосы, которые все время норовили закрыть лицо.

Время шло, и все, что ей оставалось, – это представлять возможную казнь. Картина, как у нее затягивают на шее узел, не могла выйти из головы. Наконец, в коридоре послышались шаги, и перед камерой появился стражник. Вполне обыкновенный, с королевским знаком красной розы на груди. И все-таки Виктория сжалась, хотя внутри нее все протестующе кричало.

– Идем.

– К-куда?

– К первому представителю, ведьма. Живее.

Новость заставила ее слегка оживиться. Пока это еще не казнь. Восхитительно. Теперь-то она точно объяснит, что ни в чем не виновата. Она поднялась в полной решимости, от своего затравленного вида стало стыдно.

– То, что я ведьма, еще доказать надо.

– Шевелись, пока палкой не погнал, – к спорам стражник явно не привык, и Виктория послушно пошла перед ним, каждый раз вздрагивая из-за тычков в спину, когда надо было свернуть. Наконец, ее привели в небольшую комнату с узким зарешеченным окном. Комнатка оказалась настолько

узкой, что хотелось поневоле ссутулиться, но она наоборот расправила плечи.

– Ты можешь идти, стражник.

Мужчина за столом явно задался целью отрастить третий подбородок. На нее он не обращал ни малейшего внимания, перебирая листки перед собой.

– Вы первый представитель? – недоверчиво спросила она. Тот не стал отвечать.

Она сделала шаг вперед и решила начать первой.

– Я ни в чем не виновата! Это ложные наветы!

– Знаю, – сказал мужчина, сняв очки и впервые взглянув на нее уставшими глазами.

– Правда?

– Конечно. Ты ни в чем не виновата. Просто оказалась там случайно.

– Ух! Я так рада, что вы понимаете! – Виктория облегченно опустилась на хлипкий табурет перед ним. Требовалась ловкость, чтобы удержать на таком равновесие.

– Работа такая. Вот и объясни, как ты там очутилась.

Она пару раз моргнула. И в самом деле, как она там оказалась? Потом принялась спешно копошиться в памяти, пытаюсь выудить оттуда хоть малейшую деталь. Но все было безрезультатно.

– Пока не получается вспомнить. Но я обязательно сделаю это!

– Вот как? – сочувственно поджал губы мужчина, что

заставило его второй подбородок надуться еще сильнее. – Очень жаль.

– Это правда! Я очнулась там на полу и ничего не помню. Только свое имя – Виктория. Но я не убийца, я точно знаю!

Она и сама поняла, как наивно это звучит. Но все это было несправедливо. Мир как будто решил поиздеваться над ней. В груди начал закипать жар.

– Могла бы выдумать что-то поинтереснее. Зато свидетели отлично все помнят. Успели такого порассказать, что диву даешься. Ты приехала в город вчера вечером на экипаже. Нашла портного и тут же купила у него готовое платье. Черное с кружевами.

– Но я ненавижу кру...

– Потом отправилась в трактир неподалеку, где пила, горланила похабные песни, и после заката ушла оттуда с несколькими мужчинами. Портной говорит, что ночью к нему вломилась группа людей, которые потребовали черные наряды. Среди них была и ты. Потом, как я понимаю, вы отправились к церкви. Утром мальчишка-садовник через окно увидел валяющихся на земле у церкви людей и женщину в крови. А, вот еще: стража сходила в дом пастора и обнаружила, что там все перевернуто вверх дном. Похоже, ты заставила беднягу провести какую-то жуткую церемонию в церкви. Об этом так же свидетельствуют татуировки черного солнца на паре тел. Вот вроде бы и все. Ну что, девочка, проясняется в головке?

Виктория сидела, глядя перед собой. Может, она ничего и не помнила, но ее не покидала уверенность, что она ни за что не стала бы так поступать. Кружевное платье, похабные песни? Все это было будто про другого человека. Тут наверняка должна была быть какая-то ошибка. Она пыталась собраться с мыслями, но пульсация в горячей руке не давала этого сделать. Мужчина принял молчание за раскаяние.

– Вот и славно. А то завела песню: не помню то, не помню это. Давай теперь, помоги мне. Сознаться – и дело с концом. Не придется обвинительный акт писать.

– А мне вы не хотите помочь?

– Чего?

– Мне нужна помощь! – чеканила она каждое слово, пожар в груди разрастался все сильнее. – Я стала жертвой какой-то аферы, а потом меня подставили в убийстве! У меня отшибло память, а ты, боров, сидишь тут и тыкаешь мне. Лучше бы вместо своих бумажек научился с дамой разговаривать!

Мужчина нахмурился, второй подбородок заколыхался, и пару мгновений первый представитель просто сверлил ее взглядом, а потом громко закричал:

– Стража! А ну убирай ее отсюда! Я узнал. Достаточно.

Ее быстро ухватили под руки, а она все продолжала кричать, что невиновна, добавив для верности пару ругательств. Лишь когда решетка камеры с противным скрежетом захлопнулась за ней, она немного успокоилась.

«Ну все, теперь точно повесят».

Она вертела ситуацию и так и этак, пытаясь представить, что могла сказать этому нахалу, но пришла к выводу, что это бесполезно. По нему сразу было ясно, что он уже вынес приговор. От бессилия она опустила на солому, ударив по ней кулаком. Обожженная рука отозвалась болью. Виктория снова рассмотрела ожог. Даже в тусклом свете камеры его удалось разглядеть. Символ был очень знакомым, какой-то рисунок. Она знала о церквях, кто такие первые представители и даже то, что татуировки черных солнц должны были означать принадлежность к странной секте, но она упорно ничего не могла вспомнить о себе.

Замерев, она принялась ждать. Вот сейчас за ней придут, снова потащат по коридору, в этот раз уже на виселицу – толпа будет смеяться над ней и швырять в нее камни, как тот дурной мальчишка, а она ничего не может сделать.

«Эх, оказался бы тут какой рычаг, я бы в два счета сдвинула эту рухлядь», – думала она, рассматривая старую дверь, но под рукой не было ничего, кроме старой прелой соломы.

Никто не приходил, лишь вдалеке иногда слышались голоса стражников. Время шло, хотя она не знала, как много пролетело часов. Никто так и не появился. Видно, не было свободной виселицы. Виктория представила тугую веревку и сглотнула.

«Я тупую жертву изображать не буду, пусть только попробуют подойти! Я не собираюсь умирать из-за того, чего не

знаю».

А стража все не шла. Пару раз до нее доносилось что-то похожее на смех, и внутри все так клокотало, что она была готова задушить всех руками на месте, если бы ее освободили. Разве можно смеяться, когда человека рядом собираются вешать? Что за наглость!

Вокруг стало как-то темнее, а за ней никто не приходил. Сколько прошло времени? Полдня? День? Два? Она все пыталась вспомнить, где могла видеть выжженный знак на руке или как он мог там оказаться. Или любую другую крупницу воспоминаний, которая могла спасти ей жизнь, но ничего не выходило. А мерзкие волосы все норовили залезть в лицо.

Вдруг в коридоре послышался шум, и она тут же напряглась, прижавшись к стене. Последовал вскрик, а за ним до слуха Виктории донесся тяжелый гул шагов. В окружавшей тишине они звучали, как приговор. Из прохода вышел мужчина в плаще и широкой старой шляпе с пером, так что в сумраке она даже не могла рассмотреть его лица. На стражника он уж точно не был похож. Он медленно подошел к клетке и спросил:

– Ты убила пастора?

Голос глубокий, даже немного красивый.

– Я никого не убивала!

Мужчина достал связку ключей и довольно скоро тяжелый замок с грохотом упал на пол. Незнакомец шагнул внутрь и достал сверкнувший топор.

– Погоди! Разве казнят не на улице?

– Я не палач.

Виктория сглотнула, вжавшись в стену еще сильнее. Ото-
рвать взгляд от топора все никак не выходило. Мужчина тем
временем сделал еще один шаг.

– Зачем ты убила пастора?

– Я тут ни при чем! Сказала же! Даже толком ничего не
помню!

Мысли и туманные образы выюгой носились в голове. Пе-
ред глазами все завертелось. Кто это вообще мог быть? И как
он сюда попал?

– Тогда ты мне не нужна, – пожал плечами мужчина и сде-
лал еще один шаг.

Девушка умоляюще выставила вперед обожженную руку
– и тут будто прямо перед собой увидела камин и сундук,
горящий в огне. Рука отозвалась знакомой болью.

– Стой! Я вспомнила! – заорала она. – Пастор. Дом. Я там
была! Видишь на руке след? Вытаскивала из огня ключ!

– Какой? – топор опустил, и это все, что было ей нужно.

– Без понятия, но, похоже, ценный. Я бы ни в жизнь в
огонь просто так не полезла, уж поверь. Это след от ключа.
Он называется ключ-монолит.

– Первый раз слышу.

– Их придумали недавно. Редкая и очень дорогая вещь.
Каждый ключ уникален, с неповторимым рисунком.

– И где он?

Мужчина поглядел на выход, и Виктория тоже, с трудом отцепившись взглядом от топора. «Он вошел сюда без приглашения и ожидает неприятностей, ну, конечно. Это мой шанс выбраться! Только нужно доказать свою ценность, а то вон лицо какое – оттяпает руку и не поморщится».

– Он остался в доме пастыря. Расплавился в огне, наверное. Я так и не смогла достать его, только обожглась. Но я могу сделать копию! Это не так уж и сложно, мне понадобится кузня с нормальными инструментами и кусок металла.

Глаза незнакомца блеснули, и он что-то пробубнил себе под нос. Она напряглась, но так ничего и не расслышала. Виктория понятия не имела, почему знает о ключах-монолитах и как их делать, но об этом можно было подумать и потом, когда она выберется отсюда. Думать гораздо приятнее на свободе, а не на виселице.

– Ладно, – сказал мужчина. – Пойдешь со мной и покажешь.

Сильная рука потащила ее вверх, и она не удивилась бы, окажись прямо в воздухе. Мужчина грубо поволок ее по коридору, а Виктория все косилась на лезвие топора и не переставала думать, во что ввязалась.

Она знала про ключ-монолит, но совсем ничего не помнила про вчерашний вечер. В руку врезалась боль, будто она обожглась прямо сейчас. Она вспомнила даже лицо священника, испуганное, но вместе с тем решительное. Ей был важен ключ, и она бросилась за ним в огонь очага. Но зачем ей

ключ провинциального священника? Глупость какая-то!

Незнакомец толкал ее вперед, и пару раз ей пришлось переступить через тела, валяющиеся на полу. Если ее поймут после побега, то теперь уж точно вздернут. И, наверное, прямо на месте. На смену жжению в руке пришло ощущение пустоты, разливающейся под ногами, и веревки, оборачивающейся вокруг шеи. Она даже взялась за нее и вздохнула от радости, почувствовав лишь голую теплую кожу.

Они уже оказались на улице, мужчина, как куклу, мотал Викторию в разные стороны, ведя прямиком к возвышенному тройному шпилю церкви. Была ночь, так что кроме силуэта колоколен да ближайших обшарпанных стен ничего не было видно. Ни одного звука, кроме их шагов, не разносилось. Лишь где-то вдалеке недовольно мяукнул кот.

От неожиданного рывка, бросившего ее в стену, из Виктории вышибло дух. Даже дышать стало больно. Она бы и хотела возмутиться, но у нее не было на это сил.

– Не двигайся, – прошептал мужчина, прижимаясь к ней. Она хотела повернуть голову, но ее так вжало в стену, что она видела перед собой только кусок сырой каменной кладки, а сзади к ней прижимался этот боров. Виктория была готова поклясться, что ощущает исходящую от него силу. Она почувствовала, как мурашки побежали по шее, а потом быстро-быстро сползли к пояснице. Ноги задрожали.

Она уже решила, что сейчас ее изнасилуют, когда услышала шаги неподалеку и ощутила, как вокруг стало чуть яр-

че, буквально чуть-чуть, словно луч пробился через черную штору. Тяжелую, плотную штору, через которую свет почти не проникал. Штору, от которой пахло пылью и жаром.

Виктория проморгалась от странного видения. Она была готова поспорить, что вместо каменной стены перед лицом видела знакомые шторы. Но что это за место, откуда оно, все еще оставалось скрытым от ее памяти.

Мимо прогромыхали тяжелые шаги, и до нее дошло, что это был патруль. Свет за спиной пропал так же быстро, как и появился. Незнакомец потащил ее вдоль домов, держась все время в тени. Она двигалась впереди и ощущала себя чем-то средним между тряпичной куклой и щитом.

«Как я только могла докатиться до этого?»

Тяжелое безмолвие ночи напомнило ей схожую сцену. Она не помнила тех людей, но смогла вспомнить, как шла именно к этим возвышавшимся в ночи башням. Вернее, к домику священника, что стоял неподалеку. Туда и повел ее мужчина. Мог ли он быть одним из тех, кто якобы был с ней вчера? Вдруг решил закончить то, что они начали?

Виктория съежилась, понимая, что вряд ли справится с топором. И в то же время нужно было срочно что-то придумать. Она не позволит убить себя, как беспомощного щенка. Может, она в два раза меньше и в десять раз слабее незнакомца с топором, но пусть только он попробует ей что-то сделать. Он еще узнает... узнает... В общем, что-то он точно узнает. Например, что ее лучше не злить. Она была уверена,

что и глаза способна выцарапать. Как бы жалко это ни звучало.

Незнакомец вышиб дверь пасторского дома. Та послушно подалась, ее даже не заперли. Внутри царил полный бардак. Вещи были разбросаны, пол завален рукописями и пергаменами. В углу, на почерневшем полу, лежали обгорелые занавески.

– Твоя работа? – наконец, прервал он молчание.

– Наверное.

Виктория крутила головой, не желая вляпаться в кучу мусора, словно та могла наброситься на нее. Где-то здесь были скрыты воспоминания, которые могли ей совсем не понравиться. И ей хотелось держаться от них как можно дальше.

– Хочешь сказать, тебя тут не было?

– Я не помню. Почти ничего. Со мной что-то случилось, только не знаю, что.

Мужчина хмыкнул и толкнул ее на стул. Толчок, вроде бы, оказался не сильным, но она чуть не упала на пол вместе со стулом. Тот противно скрипнул. Пришлось сдержаться, чтобы не высказать мужлану все, что она о нем думает.

Он тем временем зажег подсвечник со свечами и принялся осматриваться, переходя от одной кучи к другой.

– Как выглядит то, что запирают на ключ, о котором ты говорила?

– Это может быть все что угодно, – устало ответила Виктория, облокотившись на стул. Тот был твердым, но куда луч-

ше соломы в тюремной камере.

– Тогда тебе придется вспомнить, что это, – свою огромную шляпу незнакомец не снял даже тут. Хотя лицо во мраке, даже без шляпы, ей бы удалось разглядеть с трудом.

– Почему это мне надо вспомнить?

– Потому что я верну тебя обратно или просто сэкономлю время, – Виктория заметила под полый его плаща еще один топор.

Она заерзала на стуле, ощущая на себе тяжелый взгляд. Попробовала вспомнить. Ночь, горящий камин, человек в зеленой накидке, яркая вспышка боли от ожога. Ничего конкретного, просто набор образов. Все мысли превратились в размазню, будто десятки красок смешали в одном ведре. Даже думать было больно.

– Ничего не получается.

– Плохо стараешься, – мужчина приблизился на пару шагов вперед, и ей захотелось сильнее отодвинуться на стуле. – Ты сказала, что знаешь о ключах. Ты была здесь вчера. И у тебя на руке эта милая отметина. Ты явно хотела открыть то, что им запирается. Так что лучше вспоминай, где это.

Начинало казаться, что в тюрьме она была в большей безопасности и, к своему стыду, ей захотелось очутиться на злополучной соломе в окружении старых решеток.

– Я даже не помню своего полного имени. Как я смогу вспомнить про эту штуку, умник?

– Тогда ты мне не нужна, – почему-то ей показалось, что в

тот момент в комнате стало темнее и холоднее, по телу пробежали мурашки.

– Постой. Я попробую.

Она ухватила за голову и старалась не глядеть на темную фигуру, нависнувшую над ней. Бредово, конечно, но, кажется, она в самом деле тут была. Этот запах благовоний, подожженные занавески – все это уже было. Она зажмурилась, пытаясь восстановить сцену с ожогом. В голове всплыло лицо с крупным носом и бородавкой, человек что-то крикнул и швырнул ключ-монолит в очаг, а такие знакомые ей руки потянулись прямо за ним в пламя. Голова раскалывалась, словно по ней кто-то ударил, по виску начала стекать струя пота.

– Там, – мотнула она головой на остывший очаг.

Мужчина подошел и принялся копать в золе, почти сразу он достал небольшой сундучок. Грязный маленький предмет тонул в его руках. Попыхтев, мужчина поставил его на пол и замахнулся топором.

– Я бы не стала этого делать.

– Почему?

– На этих сундуках защита. Внутри – капсула с кислотой. Попробуешь открыть – чтобы там ни было – расплавится.

– Откуда ты знаешь?

«И в правду, откуда?» – подумала Виктория, но голова отозвалась лишь тупой болью. Пыль на руках вызвала приступ тошноты.

– Не знаю, – тихо сказала она, пытаясь отдышаться.

Мужчина молча стоял в комнате, потом быстро подошел и схватил ее за кисть с ожогом.

– Ай!

– Это поможет?

– Пусти, больно!

– Поможет или нет?

– Да! – выпалила она. – Сказала же, что знаю, как делать ключи-монолиты! Дошло теперь, болван? Говорила же про кузню. Сделать их не так сложно, как кажется, если есть рисунок.

Она потеряла руку с ожогом и стиснула зубы, чтобы не разреветься от досады.

Мужчина потащил ее за шиворот на улицу, как провинившегося щенка. Виктории очень хотелось вывернуться, топнуть ногой или даже ударить его. Но голова раскалывалась, а здравый смысл подсказывал, что если она это сделает, то останется без руки.

За темным силуэтом церкви ждала лошадь, на которую мужчина закинул ее, как паршивый мешок, а потом сел в седло сам. Она слишком устала, чтобы возмущаться, и покорно вдыхала запах крупы лошади.

«Это нечестно, – думала она, сдувая непослушный локон волос. – Я не игрушка, а он ведет себя так, будто у меня души вообще нет. Куда меня понесет теперь?»

Вместе они двинулись вдоль дороги, пока позади не слышались крики. Виктория попробовала разглядеть спеша-

щих к ним людей, но видела только, как огоньки от факелов прыгали во тьме. Ее качало на лошади, и скоро она отвернулась от дороги, чтобы не кружилась голова.

Незнакомец пришпорил лошадь, и в довершение восхитительного дня Виктория ощущала, как спина животного билась по животу при движении. Кажется, мир жаждал, чтобы она заблевала. Но она плотно сжала рот. Она сжала даже зубы, чтобы слюна не вытекла изо рта.

Редкие всполохи света прыгала перед ее глазами, и Виктория дала себе обещание: «Хватит быть игрушкой. Я выберусь, я не сдамся».

Глава 9

Паук

Рантар думал, вглядываясь в окружающую тьму, будто именно в ней лежали ответы на вопросы. Мир никогда не дает того, чего ты хочешь. Нельзя полагаться на случай. И все же когда он узнал, что пастор мертв, – почувствовал во рту кислый привкус. Его смерть не могла быть случайностью. Рантар искал пастора, знакомого с Семером, и нашел его труп. Таких совпадений не бывает. Вот только девушка, которую он отыскиал в тюрьме, не выглядела и не говорила, как убийца. А в убийцах он разбирался лучше всех. Если она соврала, то тогда была невероятно талантлива.

Город наполнился слухами о ведьме в черном, но он представлял ее совсем не так. Брать с собой ее не хотелось, но другого выбора не было. Конечно, она что-то темнила, скоро он выбьет из нее всю правду. Но если убийца не она, то что там случилось? Раз пастор так защищал сундук и ключ, значит, там было нечто крайне важное. Наверняка связанное с Семером. Поэтому Рантар просто обязан выяснить, что внутри. Он скакал по дороге, сундук подсакивал рядом, в мешке, висящем на крупу лошади – Рантар не сводил с него взгляда. Это был его единственный путь к сыну. То, что поможет вернуть прежнюю жизнь. Наконец-то сделать ее на-

стоящей, а не какой-то насмешкой.

Рантар сильнее сжал поводья и обернулся. В ночном мраке преследователей не было видно, даже вспышек факелов. Но это не означало, что они не могут появиться из ниоткуда. Назад Рантар не вернется, ни за что. Глаза привыкли к темноте, но страх погони не отпускал его. А таких оплошностей он позволить себе не мог. Рантар впивался взглядом в каждый появлявшийся у дороги силуэт, не обращая внимания на постанывание девушки, когда лошадь начинала скакать резвее.

Наконец Рантар заметил силуэт ветряной мельницы, темнеющей на фоне неба, и пустил лошадь прямо на холм. Ночью на ней никого не должно быть, а спрятаться ему не мешает. Подъехав ближе, Рантар заметил, что строение покосилось, а одна из лопастей превратилась в жалкие ошметки. Никакого света внутри не было. Он огляделся по сторонам, потом заглянул внутрь через открытую дверь, но так ничего и не увидел. Темно, как в зад у мыши. Зато на стене висел факел, который Рантар зажег с помощью огнива. Стало чуть лучше видно: в пустой мельнице бродил одинокий петух и клевал землю.

Рантар провел лошадь прямо через дверь – размер, к счастью, позволил. Еще раз осмотрелся, закрыл деревянные створки и только после этого снял девушку с коня.

– Наконец-то, – буркнула она, потирая бока.

Но Рантару было совсем не до ее слов. Он молча разгля-

дывал странную худышку. Она то и дело откидывала волосы со лба, чесалась и бурчала что-то себе под нос. Не убийца.

– Что случилось в той церкви? Почему пастора и всех остальных убили, а тебя – нет?

– Сказала же, что не помню. Легкая прогулка и ночной воздух не помог.

Он скрестил руки на груди, облокотившись на балку. Времени на то, чтобы разговорить ее, хватит.

– Тогда припомни последнее, что приходит в голову.

– В ней только туман. Я пытаюсь поймать образы, но они тают прямо в руках. Не понимаю даже, как вспомнила про ключи-монолиты. Не бойся, про них я не обманула.

Рантар пошевелил плечами, надеясь, что она просто догадалась, а не заметила, как помрачнело его лицо. После десяти лет он не знал, как изменился. Стал ли вести себя по-другому? Выглядеть? Думать? В глубине сознания, в потаенных задворках его ждало нечто, что совсем не хотелось открывать. И даже дотрагиваться.

– Хватит молчать! Почему мне никто не верит?

– Умолкни. Не на приятной прогулке. Ты здесь только потому, что нужна мне. Но я могу передумать. Отсеку тебе руку и поищу кого другого, кто может делать эти ключи.

– Это нечестно! Несправедливо! Почему все говорят со мной, как с преступницей? Чем я заслужила? Я... я просто оказалась не там. Меня наверняка подставили!

– Может, ты просто дуришь меня? – Рантар сделал шаг

вперед, нависнув над девушкой. – Весь город кричал, какой шорох ты навела. Ты привела этих ребят к пастору. Ходят слухи, что у пары из них были татуировки черного солнца. Почему вы пришли к нему? Искали что-то важное? А он взял и зарядил тебе подсвечником по затылку. Вот ты и осталась валяться цела. Может, мне тоже стоит сделать это? Только чем-нибудь потяжелее?

Девушка молчала, сначала сжавшись в комок, а потом фыркнула и расправила плечи. Наверное, она хотела, чтобы во взгляде почувствовался вызов, но смотрелось это жалко.

– Разве обязательно все время угрожать? Почему нельзя просто поговорить?

– От болтовни нет толку.

Рантар отошел на шаг назад. Раз пока она единственный шанс добраться до Фило, то, возможно, стоит быть с ней мягче. Возможно.

– Когда я вспомню еще что-то, то скажу. Мне нужна помощь. Про ключи вспомнила случайно. Только свое имя точно знаю – Виктория. А ты кто такой?

– Отложим светскую беседу. Я бы поел, а этот петух выглядит аппетитно. Думаю, его неплохо бы зажарить.

Сверху мелькнула тень, и Рантар тут же отскочил. Один из топоров мигом оказался в руке. Жжение от места отрезанного пальца разлилось до плеча. В полумраке он увидел, как у тощей фигуры дернулся хвост. Амеван! Невозможно!

– Нэ трогать его!

Рантар не стал слушать: он бросился вперед, сделав выпад. Лесной колдун ловко отскочил, но под конец еле удержал равновесие. Его хвост бешено закрутился. Девушка вскрикнула. Даже петух начал вертеться под ногами, изображая нападение. Лошадь следила за каждым их движением, переминаясь ногами.

Весь этот лишний шум был ни к чему. Пора было кончать с этим, и быстрее. На щеке молодого амевана краснел порез. В следующий раз Рантар уже не промахнется. Он достал второй топор, а рогатый замер, скаля клыки. Странно, на нем не было привычного шлема. Рантар уже хотел кинуться вперед, когда заметил, что взгляд амевана изменился. Тот испуганно тарасился за его спину и начал отступать. Если это и прием, то какой-то дурацкий. На всякий случай Рантар скосил взгляд, и по его спине пробежала дрожь.

В девушке что-то изменилось. Внешность осталась прежней, но вот взгляд стал каким-то бездонным, жутким. Она поднялась, но двигалась странно, выворачивая руки. А потом просто поползла по стене. Руки и ноги выворачивались, а она поднималась все выше, как паук. Ее лицо начало тонуть во мраке, оттуда послышался голос.

– Не бойтесь, детки. Не деритесь. Отец тут.

– Слезай.

В ответ послышался то ли смех, то ли кашель. Нужно было срочно что-то решать. Не с той девушкой Рантар связался, ох, не с той. Не поворачиваясь спиной к амевану, он сделал

пару шагов вперед, но тут девушка двинула рукой, и будто волна воздуха подняла его над землей и шибанула об стену. В глазах потемнело, он крутанул головой и увидел, как амеван затеребил пальцами, изображая незнакомые знаки в воздухе. Волосы на руках мигом поднялись дыбом. Магия!

Девушка зашипела, уже хотела махнуть рукой, но неожиданно свалилась, как куль, на землю и больше не двигалась. Амеван, едва стоя на нетвердых ногах, склонился над ней.

Рантар уже пришел в себя и, держа два топора, двинулся вперед.

– Убрал свои лапы, амеван!

– Нэ бойся, нэ амеван.

Тот поднял руки и переводил взгляд с топоров на петуха и обратно. С удивлением для себя, Рантар отметил две интересные детали. Парень выглядел не как обычный амеван. И он был еще жив. Раньше бы Рантар разрубил его не думая.

– Полукровка.

Парень опустил глаза, но потом быстро заговорил:

– Ей нужэн помощь. Она болей. Вот тут, – он постучал пальцами по виску.

Рантар пытался сообразить, что делать. Он, как всегда, попал в идиотскую историю. С ним никогда и ничто не происходило благополучно. Перед ним явно было двое магов. Следовало разрубить их на куски здесь же, ведь магия была под запретом – и неспроста. Но он почему-то размышлял и над другими вариантами. Ему еще нужна была помощь с сунду-

ком и ключом, а амеван больно быстро справился с ведьмой. Внезапно его мысли отвлекли голоса снаружи и топот. Потом слышались крики:

– Я видел свет!

– Залазь внутрь!

Костяшки пальцев хрустнули, и Рантар развернулся к открывающейся двери, но тут амеван сбил его с ног и зашипел прямо на ухо: «Стой!» Потом сделал пару движений руками, и мужик, показавшийся в проходе, замер.

– Ну что, есть там кто? – слышался крик снаружи.

– Нет, пусто. Показалось! – сказал стражник, глядя прямо на них, а потом закрыл дверь, и всадники стали удаляться.

Рантар отпихнул полукровку и прижал лезвие топора к его шее. Одно легкое движение – и кровь зальет весь пол. И одной проблемой станет меньше. Но внутренний голос того, кого раньше звали Антар, воспротивился.

«Фило, наверное, сейчас такого же возраста».

Рантар еще раз взглянул на амевана. Потом перевел взгляд на лежащую рядом девушку. Он думал. Лучше всего было бы избавиться от них. Они владеют магией, значит, лишь за это должны быть убиты. Магия разрушает мир. Парень – амеван, хоть и полукровка. Это тоже приговор. А девочка умеет лазить по стенам и устраивает резню в церкви. От них по меньшей мере стоило держаться подальше.

Но Рантар лишь смутно догадывался, что происходило с миром в последние десять лет. Воспоминания состояли в ос-

новном либо из заданий Доротеи, либо из их совместных ночей. К тому же Рантар понятия не имел, как быть с проклятыми ключами-монолитами. Девчонка своими рассуждениями о потере памяти напоминала его самого, она могла быть жертвой колдовства. А паренек пытался помочь. Тот стражник смотрел прямо на них, увидел людей, лошадь, но ничего не сказал. Полезная способность.

И Антар, и Рантар брали от жизни, что могли, потому что сама жизнь никогда не дает, чего хочешь. А Рантару во что бы то ни стало хотелось чего-то нормального. Он слез с амевана и на время отодвинул топор.

– Ты знаешь, что с ней?

– Нэт, – тяжело выдохнул тот. – Но я пробовать помочь. Если вы тоже помогать.

– Как?

– Приведите меня к настоящий герой.

– К герою? – переспросил Рантар. – Это еще зачем?

– Мне нужен герой. Вы знать их?

– Парочку знаю, – сказал Рантар, облизнув губы. Это было похоже на бредовую шутку. Кажется, бедолага не дружил с головой. И все-таки пока мог пригодиться. – Ты сможешь утихомирить ее в следующий раз? Или провернуть тот фокус с исчезновением?

– Наверноэ...

– Да или нет?

– Да, – амеван мотнул головой, приподнявшись. – А вы

обещать отвести меня к герой?

– Ага, обещаю, – хмыкнул Рантар. – Помоги перетащить ее и связать. И помни: никакой магии без моего разрешения.

Все-таки это был очень странный день. Будто время бесконечных, странных снов никуда не исчезло. В подтверждение этого мимо Рантара вышагивал важный петух. И все же это были не сны. Нужно думать над следующим шагом. Медленно, очень медленно, Рантар повесил топоры на пояс.

Глава 10

Дети войны

Имва следил за тем, как Навнат ходит вокруг, и в любой момент был готов схватить его, лишь бы он не приближался к мрачному человеку в шляпе. Навнат не еда. Мужчина не говорил все утро, привалившись к дереву, и смотрел перед собой. Иногда вздрагивал и озирался по сторонам, схватившись за свои жуткие топоры. Каждый раз сердце Имвы подпрыгивало до самого горла. Воспоминания прошлой ночи еще не померкли, да и порез на щеке продолжал ныть.

Он каждую минуту задавал себе вопрос: «Правильно ли я поступил?» Мужчина был жестоким и хмурым, так мог бы выглядеть разбойник или охотник за головами, которые сновали мимо их леса, но никак не человек, на которого можно положиться. Да и вообще, можно ли полагаться на людей? Большинство амеванов только бы покачали головой.

Имва беспокоился, что незнакомец может передумать и отрубить ему голову, стоит зазеваться. С таким грозным воином он не справится. Вчера он не подумал, просто бросился на помощь другу. Теперь надо быть в разы осторожнее. Имва потер порез на щеке, который все время пощипывал.

Но больше он боялся девушку. То, что Имва ощутил вчера, было неправильным. Мерзким. Отчего хотелось передер-

нуться и никогда больше на девушку не смотреть. Форма мира вокруг нее изменилась, стала запутанной, жестокой. Мир был полон форм, и Имва мог менять их. Быстро, незначительно, и все же окружение могло подчиниться ему. Как вчера, когда он создал плотную завесу воздуха, которая не позволила мужчине в дверях увидеть их. Имва до сих пор удивлялся, как получилось создать достаточно сильную форму и подчинить себе магию. Раньше у него такого не выходило за пределами леса, о чем, конечно, не нужно было рассказывать. Может, всему виной присутствие девушки?

Поэтому когда она пошевелилась, Имва быстро подобрал Навната и прижал к себе. Мрачный тип в шляпе тут же оживился и вытащил из-за пояса один из топоров. Девушка с трудом приподнялась над землей, хватаясь за голову.

– Святое дерьмо, это еще что? – Она обвела взглядом сначала мужика, потом Имву и остановила взгляд на веревке, опутавшей ей руки.

– Предосторожность, – ответил мужчина, встав на ноги.

– Я выгляжу такой опасной, что меня испугался громадина с топором?

– Топор тоже предосторожность. Пока. Тебе лучше объяснить, что произошло вчера.

– Вчера? Ох, я ни хрена...

– Не помню, – с ухмылкой закончил мужчина и покачал головой. – Тебе придется придумать что-то получше.

– Где мое платье? Что за обноски?

– Платье – наименьшая из твоих проблем.

– А с волосами что? – издала стон девушка, пытаясь ухватить кончики волос.

Они были красивыми, переливающимися, мрачными, как сама ночь.

– Хватит мне голову морочить, – громила подошел к ней и ухватил за волосы, поворачивая голову. – Тебе придется объяснить, что за срань ты вчера устроила. Можешь начать с того, зачем убила пастора.

– Он всегда такой мрачный? – спросила девушка, и Имва понял, что она обращается к нему. Кажется, на угрозы она не обращала внимания. Имва не знал, как реагировать, чувствуя, что кровь прильнула к щекам. В конце концов, он просто пожал плечами: каждое весило, как целое дерево.

– Ты можешь портить прическу сколько угодно, все равно я как воронье гнездо. Только я ничего не скажу, потому что не помню, – к удивлению Имвы, девушка показала язык.

– Знаешь, что с ней делать? – Мужчина повернулся к Имве, и внутри от этого взгляда у него все похолодело.

Но Имва только покачал головой. Мужчина что-то проговорил, но слов было не разобрать.

– Тогда расскажи мне про ключ-монолит. И зачем тебе понадобился сундук.

– Какой сундук? Какой ключ? Ай! – От звонкой пощечины, которую мужчина отвесил девушке, Имва чуть не подпрыгнул на месте.

– Или ты рассказываешь мне все, что знаешь, или остаешься валяться здесь связанная, пока не умрешь и волки или дикие собаки не обглодают твои кости.

– Ладненько, мы, кажется, плохо начали. Давай вести себя, как положено. Меня зовут Вики. А тебя?

– Это к делу не относится. Скажи мне то, чего я еще не слышал.

– Как же сказать, если я... Ладненько. Только не бей! Ох и ручищи у тебя. Сказать, что я помню? Хорошо. Моя память, как шаль у старухи. Вся в дырах. Будто кто-то выжрал мои мысли и воспоминания. Я открываю глаза каждый раз в новом месте и не знаю, как там оказалась. Рядом стоят людишки вроде тебя или еще кто похуже. Тоже задают вопросы. А я не знаю на них ответов. Шик, скажи? Хочешь знать про пастора? Познакомилась я с милым парнем, хотели свадебку сыграть, ну и пошли к пастору. А паренек-то буйный оказался. Пастор венчать нас не хотел. Ночь же. Вот он его и припугнул. А потом крушить все начал. Тут сундучок в пламя и упал. Я что, дура, давать добру пропадать? Думала, подцеплю, вытащу. Ан нет. Потом отрубилась. Видать, от боли. Все, конец. А кто слушал – молодец.

– Не рановато ли для свадьбы?

– Жизнь короткая. Не хочу упускать момент.

– Допустим, я тебе поверю. Ты сможешь сделать ключ-монолит или это ложь? Лучше не ври.

– Да сделаю я, сделаю. Руки развяжи! И без веревок болит

жутко.

– Нет уж, побудешь так, пока я не получу свой ключ.

– Тоже нравятся церковные побрякушки?

Мужчина молча отошел, вернувшись к своему дереву, и начал что-то вновь бурчать под нос.

– Эй, красавчик! Ты не поможешь даме сесть?

Имва взглянул на Навната. Тот был явно не в восторге от этой идеи.

– Ну же. Или тебе нравится, что девушка лежит связанная на земле и не может подняться?

Имва вновь ощутил прильнувшую к щекам кровь, но петуха выпустил. Первый раз в жизни кто-то назвал его красивым. Он поднялся и сделал пару шагов вперед.

– Не трогай, – рыкнул человек, и Имва замер на месте.

– Ох, что за люди пошли! Один бьет, второй – трусит.

– Я не трус, – сказал Имва, сжимая руки.

– Какой у тебя смешной акцент. Ты откуда, с юга?

Девушка, ничуть не смущаясь, извиваясь как червь, приналась подниматься. Потом сдула с лица волосы и попробовала их распутать.

– Нет, я просто плохо знаю ваш язык, – Имва чувствовал, как хвост забил по земле. Девушка тоже это заметила, и он постарался отодвинуть его подальше.

– Шик! Ребята, вы откуда? У меня таких еще не было.

– Я из леса Мовар.

– Ого, рогатый?! А где рога? А у тебя один хвост?

Она подошла чуть ближе, живо разглядывая Имву, и внутри него что-то завибрировало, как земля от лап животных.

– Стой! – рявкнул мужчина, поднявшись со своего места. – Без разрешения ни к нему, ни ко мне ты подходить не будешь!

– По-моему, вы не в своем уме, ребятаки. Это уже не смешно. Почему два мужика боятся хрупкой девушки?

– Может, потому что она шипит и лазает по стенам? А потом ее находят в компании десятка трупов? Теперь слушайте меня, вы оба. Вы тут только потому, что я вас терплю и мне нужен ключ. Поэтому вы говорите, когда я вам разрешаю. Делаете что-то только с моего согласия. Если я скажу не дышать – вы не дышите. И самое главное. Никакой магии. Ни со мной, ни без меня. Только если я попрошу об этом.

– Сказал же, вообще без нее, – подняла девушка бровь. – Ладно-ладно, не смотри так. Не знаю, чего это ты про магию. Я все равно ей не владею. Пусть руки отсохнут, если свяжусь с этой мерзкой хреновиной. Чего так смотрите?

– Думаю, не надо объяснять, что я с вами сделаю, если вы нарушите хоть одно из этих правил.

Имва сглотнул, посмотрев на топоры. Жестокое оружие, созданное для уничтожения природы. Девушка наморщила нос, но ничего не сказала.

– У нас ведь договор. Мне нужно найти героя, – Имва с трудом нашел в себе силы, чтобы произнести их. Он уже жалел, что согласился на эти условия. Но вчера был готов на

что угодно, лишь бы не сражаться.

– Я помню. Найдешь ты своего героя. И вообще, спрячь хвост в штаны. Не хватало, чтобы нас из-за него вздернули в первой же деревне.

Имва посмотрел на болтающийся хвост и попытался представить, как будет ужасно неудобно ходить с ним в штанах, но, посмотрев на мужчину, принялся заправлять тот внутрь. Навнат укоризненно следил за ним.

– Так это правда? Ты владеешь магией? – В глазах девушки что-то изменилось, а он сидел как дурак с хвостом в штанах. Тот принялся дергаться под тканью. – А рога спилил, что ли?

– Сказал же, молчать! – Громила сделал шаг вперед, и девушка виновато потупилась. – Живо за мной! Будете идти рядом с лошадю.

– А связанные руки никого смущать не будут?

– На, прикройся тряпкой.

– Спасибо, – буркнула девушка, а потом наклонилась и спросила шепотом: – Это волшебный петух?

Имва взглянул на Навната, горделиво закинувшего голову. Он, конечно, красив, но волшебного в нем было мало, поэтому Имва просто покачал головой. Девушка переключила внимание на него, разглядывая как какую-то диковинку. Он старался не смотреть в ответ, делая вид, что ему очень нравится рассматривать худосочные деревья вдалеке.

– Двигаться будем быстро, так что не отставайте. Если по-

везет, скоро найдем кузнеца, а пока приглядывай за ней.

Делать этого совсем не хотелось. Девушка и так сверлила в нем дырку, а Имва предпочел держаться от нее подальше. Она, конечно, милая, даже очень, но вчера внутри нее он почувствовал трещину, оттуда лилось нечто мерзкое и липкое. Такое, чему нельзя найти название. Не говоря о том, что он растерялся, пришлось соврать. Выходило скверно, но мужчина, видно, не заметил. Решил, что Имва владеет магией, а он даже сам не понял, как у него вчера это получилось. От страха, наверное. Маг из него выходил жалкий, о чем ему всегда напоминали даже наставники. Имва взялся за кулон с зубом и, чтобы как-то отвлечься, спросил:

– Ты не назовешь имя?

– Это так важно? – спросил в ответ незнакомец.

– У нас говорят, что имя – способ познать друг друга.

– Все потому, что вы их сами выбираете, – мужчина повернулся к ним спиной, взгромоздившись на лошадь. Она была крупной, от толстых ног исходила мощь, а в воздухе держался стойкий аромат лошадиного крупа, от которого начали слезиться глаза.

– Да ну? Сами выбираете имена? – оживилась девушка.

– И какое бы имя ты взял себе? – спросил Имва. – Мы... я... Надо знать, как тебя звать.

– Мэлви. Зови меня так.

– Хорошо, – Имва не сказал, что имя совсем мужчине не подходит. Какой же это Мэлви? Так звали бы мелкого гобли-

на, а его имя... оно должно внушать страх, как и выражение лица.

Мужчина, сейчас сопровождающий их разговор молчаливым взглядом, по размерам не сильно отличался от тех, кого уже приходилось видеть. Вот только было что-то в глазах и манере держаться такое, от чего хотелось сделать пару шагов назад.

– А меня зовут Имва. Это Навнат.

– Шик! Ты петуху даже имя дал? – улыбнулась девушка. Сейчас она выглядела не очень опасной.

– Он мой друг. У друзей должны быть имена.

– Эй, вы! Заткнитесь! Я же сказал не говорить.

Имва поспешно опустил взгляд, прижимая к себе Навната. Тот укоризненно взглянул на него, но ничего не сказал.

«Ничего страшного, смирение – одно из качеств настоящего героя. И скоро я встречу одного из них».

Имва на это надеялся. Герой расскажет о своих подвигах и научит быть таким же. Правда, темная фигура в широкой шляпе стала внушать Имве еще меньше доверия, чем вчера. Правильно ли он поступил, договорившись с ним? Но Корни судьбы привели его сюда, свели с этими странными людьми, а значит, в этом был какой-то смысл. Имва не мог поверить, что встреча с девушкой, которая может менять форму мира вокруг, случайность. Наставники говорили, что люди давным-давно потеряли способность менять форму. Даже ту захудалую, что у них была. А эта Вики не уступала в силе ни

одному амевану. А мрачный Мэлви утверждал, что знал героев. Без Корней судьбы здесь точно не обошлось.

Их маленькая группа двигалась не очень быстро: что бы ни говорил этот Мэлви, ему приходилось все время притормаживать лошадь. С одной стороны, это радовало – за последние дни Имва чувствовал себя, как сухой лист: еще чуть-чуть – и раскрошится. Но вот где-то по округе рыскали люди, бегущие за ним. А еще те, что преследовали его новых знакомых.

Мэлви выглядел угрожающе, но вряд ли даже с двумя топорами он мог справиться с толпой вооруженных врагов. Топоры были самой жуткой его частью. Ни один амеван не взялся бы за топор, ибо они созданы для того, чтобы рубить деревья, губить жизнь. Мэлви наверняка не испытывал проблем с этим. Его рука была обмотана кровавой тряпкой. Кто-то уже успел его ранить. Ясное дело, ведь Мэлви не герой, тот еще мог бы найти выход.

Но мир не торопился набрасываться на него. Похоже, приготовил впереди очередную пакость. Имва наблюдал за широкими полями, окружавшими их со всех сторон. Деревья были слишком далеко, а мир вокруг слишком пустым. Он поежился, хотя вышло солнце и стало куда теплее, чем в последние дни. Навнат не разделял его страхов: он извивался, желая оказаться на свободе.

– Подожди, друг. А то потеряешься.

Петух перестал брыкаться, но не сводил с него своего яр-

кого желтого глаза.

– Имва, эй! – слышался шепот. Девушка подошла чуть ближе, коварно улыбаясь. – Ты маг, да?

Во рту пересохло. Что ей сказать? Что он стал для нее надсмотрщиком и с магией он управляется чуть лучше Навната? Пришлось коротко кивнуть.

– Шик! А от этих штук избавиться можешь?

Она дернула связанными руками. Имва посмотрел на спину Мэлви и сглотнул.

– Нельзя.

– А если нападет кто? Да меня сразу уколошат, и пикнуть не успею!

– Мы тебя защитим. Не бойся.

– Ага, а от вас меня кто защитит?

Девушка скорчила гримасу и отвернулась. Имва ощутил, как к щекам приливает кровь, царапина начала зудеть еще сильнее. Он шел, не зная, как справиться с румянцем. Не потому, что девушка его боялась, а потому, что он боялся. Не хотелось злить угрожающего Мэлви. Но больше он боялся ее. С девушками он общаться не умел, тем более с теми, что могут убить. То, что она шла молча, приободрило: можно было хоть немного расслабиться.

Мимо проплывали поля, вдалеке виднелись деревни, от которых Имва всегда держался подальше. Он невольно сжал петуха сильнее, и тот недовольно цокнул. Пришлось опустить его на землю. Не таскать же все время на руках?

Из-за высокого дерева с жухлой листвой донеслись крики. Мэлви остановил кобылу и огляделся по сторонам. Потом повернулся к ним.

– Съезжать в поля будет странно. Идем быстро. Ни с кем не говорите.

Мэлви сверкнул глазами и добавил:

– Не вздумай выкинуть глупость, девчонка.

Та лишь хмыкнула. Кобыла двинулась быстрее, и Имве пришлось подхватить Навната. Сердце начало быстро колотиться. Что это за крики? Битва? Кому-то нужна помощь? Он вспомнил недавний случай о том, как незадачливо вмешался в дела людей. В племени бы все попадали с ног со смеху. Как обычно. Имва поневоле взглянул на девушку, но та не выглядела напуганной, скорее, любопытной.

– А я тебе говорю, что это чушь!

– Ха! Ты даже говорить не умеешь! И че мне слушать?

– Точно-точно! Довольно болтовни!

Под широким каштаном, на котором уже почти не осталось листьев, стояли двое самых обычных мужчин. Таких Имва разглядывал в каждой деревне. Они уже ничем не удивляли его. Лица покраснели, как у яркого цветка, и мужчины постоянно орали. Имва старался не смотреть на них, но тут они поравнялись, и один мужчина подскочил прямо к нему. Дергая за рукав, он возбужденно заговорил:

– Господин! Это невыносимо! В свидетели вас беру.

– Не-е-ет! Это я беру вас в свидетели, господин! – Под-

скачил второй.

Имва растеряно повернулся к Мэлви, хвост задергался, и он сделал шаг назад, чтобы люди не заметили странного движения в его штанах. Хорошо бы еще понять, кто такой свидетель и что он делает. Навната пришлось опустить на землю.

– Мы... с друзьями торопимся, вряд ли чем-то поможем.

– Это быстро!

– Да, тут и думать нечего! Смотрите, господин. У меня есть земля, вон она. И заборчик имеется. А этот гад его каждую ночь выкапывает и двигает, чтобы землю оттяпать!

– Не верьте, господин! – Дернул рукав второй мужик с такой силой, что тот чуть не треснул. – Это моя земля. Всегда была, еще прадед мой тут ходил. А он украл ее!

– Чушь! Я ее честно выиграл в карты!

– После того, как споил меня, вошь подзаборная!

– Ну все, с меня хватит. Дуэль!

– Дуэль!

– Господин, вы должны быть нашим сепундантом!

– Кем?

– Я изрублю тебя в капусту, ничтожное животное!

– Лизни пса под хвост! Ты только вилами махать умеешь.

Господин, вы этот, как его, секундарт, предлагаю вам выдать оружие.

– Какое еще оружие? – ноги у Имвы слегка задрожали, и он опять покраснел, как полный идиот. Мужики говорили так быстро, что некоторые слова удавалось разобрать с тру-

дом, других он вообще не знал. Однако он успел заметить, как Мэлви потянулся за пояс. Вряд ли это означало что-то хорошее. Имва хотел выпутаться из разговора поскорее, но не понимал, что происходит. Навнат безразлично прохаживался среди листвы.

– Вы хотите драться?

– Эх загнули, так любая шваль может. Я буду честь свою защищать, во!

– Нет у тебя чести, скотина!

Мужчины перестали держать Имву, и теперь каждый хватал другого за грудки. Так и до буйства дойдет. А настоящий герой не позволяет такому случиться. Имва проследил глазами за Мэлви и Вики, но помощи от своих спутников ждать не приходилось. Девушка даже не скрывала улыбки, а вот Имве совсем было не до смеха. И тут он заметил...

Выбежав чуть вперед, он пошерудил в коричневатой листве и достал сморщенный, коричневый плод.

– Вот, держите.

– Каштан?

– Оружие. Вы ведь хотели устроить поединок, так?

– Ага. Но это ведь просто каштан...

– Швыряйте друг в друга, пока не выиграете, – Имва улыбнулся, хотя ему было совсем не смешно, и положил каштан на землю между ними.

Мужики замерли, рассматривая каштан, почесали головы, потом посмотрели друг на друга и бросились к сморщенно-

му плоду. Они пыхтели, ругались и отпихивали друг друга, оглашая округу более громкими криками, чем раньше.

– Я тебе сейчас хлебало-то расквашу!

– Знаешь, куда я его тебе затолкаю?!..

Пока мужчины дрались, они двинулись дальше. Имва с удивлением наблюдал за ними. На его родине так вели себя разве что дети. Но люди – странные существа. Чувствуя дрожь в хвосте, Имва все равно двигался чуть боком, чтобы те не заметили движения. Но он был ужасно доволен собой. Так и поступают герои – хранят остальных.

Когда они отошли на достаточное расстояние, до него донесся голос Мэлви:

– Бред, даже крестьяне корчат из себя дуэлянтов.

– Они странные, да? – догадался Имва. Он так сразу и подумал.

– Странные? О, да! – засмеялась девушка. – Вся страна в балаган превратилась.

– А что такое балаган?

– То, что ты там устроил, – сказал Мэлви, не поворачивая головы. – Думаешь, лихо придумал с каштаном? Да они все равно зашибут друг друга – не сегодня, так завтра. В следующий раз если думаешь, что можешь помочь, – просто уходи в другую сторону.

– Герои так не поступают.

– Так ты хочешь им стать? – Мэлви впервые повернулся на лошади, и его глаза под широкой шляпой сверкнули.

– Ну да, – Имва сжал Навната чуть сильнее. – Они те, на кого стоит равняться.

– А знаешь что? – Посмотрела на него девушка. – Ты тоже странный.

– Быть героем – достойное дело. И я стану лучшим из них.

– Поверь, это будет не так трудно, – сказала девушка.

– Вот, значит, зачем тебе нужно найти героя? Ты думаешь, что он научит тебя, как им быть?

По голосу Мэлви нельзя было сказать, смеется он или ему вообще нет никакого дела до Имвы. Имве не нравилось, что эти двое так отзываются о героях.

– Один мой наставник говорил: научиться можно у кого угодно и чему угодно.

– Почему он тебя не научил, раз он такой умный?

– Наставники очень заняты. Да и настоящих героев у нас нет.

– Это точно.

Имва покосился на девушку, но ничего не сказал. Даже Навнат смотрел безразлично. Настроение окончательно испортилось, и он тоже решил просто идти вперед.

«И чего с ними говорить? Они все равно ничего не поймут. Буду идти молча, толку от этих разговоров?»

Солнце начало скрываться среди густых облаков, и окружавшая серость снова начала давить на Имву. Мыслями он возвращался к мужчинам под деревом, которые возникли, как яркая вспышка, и тут же исчезли. Он все правильно сде-

лал. Ничего, ни один герой не начинал с великих поступков. Даже Лоран Блистательный сначала был простым слугой. Все начинается с малого. Нужно только идти вперед.

Имва так погрузился в свои мысли, что не заметил, как их группа остановилась.

– Что случилось?

– Всадники, – Вики ткнула пальцем в далекий холм, над которым возвышалось несколько точек.

– Они опасны? – спросил он у Мэлви.

– Не знаю. Но едем в обход.

Мэлви развернул лошадь и двинул ее напрямик через поле, в иную от всадников сторону. Имва то и дело озирался, сердце по привычке застучало, вспоминая длительные дни погони. Он буквально слышал лай собак. Но ничего не происходило. Никто не появлялся и не нападал. Только тучи стали мрачнее, заволакивая небо. Пошел мелкий дождь, стучащий по лицу. Поле все не кончалось, вокруг появилось почему-то множество ворон. То и дело они взлетали по сторонам с противным карканьем. Петух осуждающе провожал их взглядом. Он стал дергаться, пытаясь сойти с рук Имвы. Удержать его становилось все труднее. Нос уловил гнилостный запах.

– Навнат, спокойно. Трава слишком высокая, ты потеряешься.

– Это так мило, что ты с ним общаешься.

– А что такого? Ты ведь тоже разговариваешь с нами, –

ответил Имва Вики, пытаясь удержать петуха.

– Он ведь птица.

– А ты человек, – пожал плечами Имва. – Многие авеманы считают, что договориться с вами сложнее, чем с животными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.